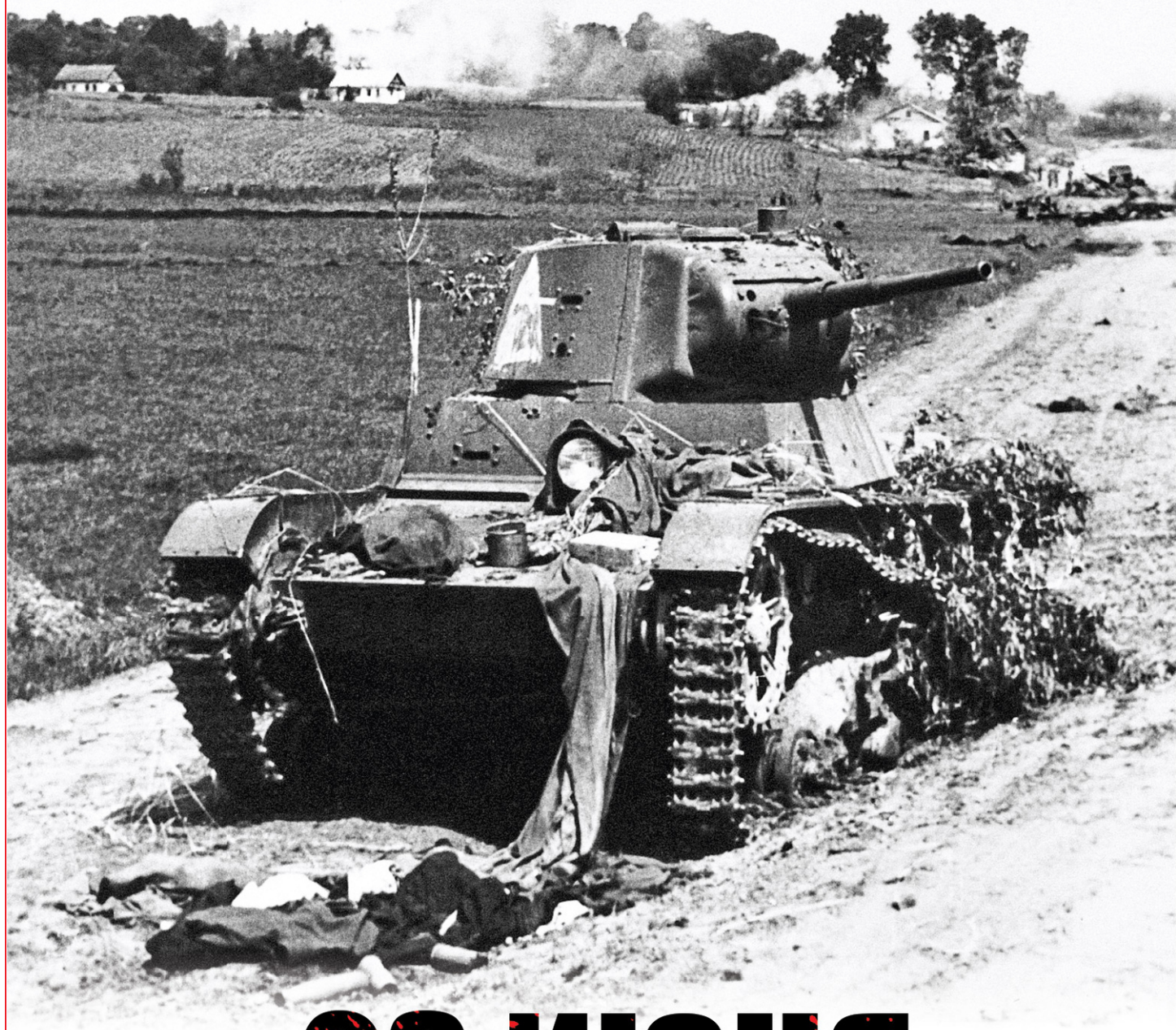

МАРК СОЛОНИН

23 ИЮНЯ —
«ДЕНЬ М»

Великая Отечественная война. Особое мнение

Марк Солонин

23 июня – «день М»

«Яуза»

2009

УДК 94.4
ББК 63.3(0)

Солонин М. С.

23 июня – «день М» / М. С. Солонин — «Яуза»,
2009 — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-6040917-7-7

Культовая книга популярного историка, прославившегося бестселлерами «22 июня. Анатомия катастрофы» и «На мирно спящих аэродромах...», которые разошлись рекордными тиражами, сравнимыми с продажами книг Виктора Суворова. Сенсационное расследование трагических событий 1941 года. Всесторонне проанализировав историю подготовки Советского Союза к Большой Войне и предвоенного стратегического планирования, автор приходит к ошеломляющему выводу – в июне 41-го Гитлер, сам того не ожидая, опередил удар Сталина ровно на один день!

УДК 94.4
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040917-7-7

© Солонин М. С., 2009
© Яуза, 2009

Содержание

Предисловие	5
Часть 1 Колосс советский	10
Глава 1 Главная причина поражения	10
Глава 2 «Наступление является выражением превосходства»	17
Глава 3 «Броня крепка, и танки наши быстры...»	30
Глава 4 Про «Меч-кладенец» и «Золотое сечение»	42
Глава 5 Загадочный МП-41	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Марк Солонин

23 июня – «День М»

«Самым ценным в РККА является новый человек Сталинской эпохи. Ему принадлежит в бою решающая роль. Без него все технические средства борьбы мертвы, в его руках они становятся грозным оружием».
п. 6 Полевого устава Красной Армии

Предисловие

«Современные писатели вроде Солонина в своих книгах берут только одну сторону. Что все бежали, побросали оружие и бежали. Но если бы Солонин был прав – тогда мы потерпели бы поражение. В этом логика жизни, логика исторических событий, и если люди этого не видят – им бесполезно заниматься историей».

М. А. Гареев, интервью агентству «РИА-Новости»

Что я могу на это возразить? Махмуд Ахметович Гареев, президент Академии военных наук, академик Российской академии естественных наук, член-корреспондент Академии наук РФ, доктор военных наук (бывают, представьте себе, и такие доктора), доктор исторических наук, профессор, бывший заместитель начальника Генерального штаба Советской армии по научной работе и «прочих земель повелитель» высоко сидит, далеко глядит, а потому и занимается историей с большой пользой. Для себя лично. Партия и правительство щедро оценили его вклад в развитие советской военно-исторической науки. Махмуд Ахметович, кроме всего прочего, удостоен звания «генерал армии». Для тех, кто забыл, напеминаю, что это последняя ступенька перед вершиной, на которой сияют маршальские звезды. В свое время в звании генерала армии К. Мерецков и Г. Жуков руководили Генеральным штабом Красной Армии, а из пяти командующих войсками западных приграничных округов СССР только один (Д. Павлов) имел в июне 1941 г. столь высокое звание.

Генералу армии Гарееву тоже довелось принять участие в руководстве крупными группировками войск. В 1970–1974 гг. он служил начальником штаба Главного военного советника при командовании египетской армии. Под его непосредственным руководством была спланирована и осуществлена грандиозная операция, вошедшая в историю под названием «Война Судного дня» (октябрь 1973 г.). Война эта, как известно, закончилась тем, что решительные и экстраординарные действия Советского Союза спасли тогда Египет от полного разгрома (хотя египетские солдаты – в полном соответствии с «логикой жизни» – побросали оружие и побежали, не желая оплачивать брежневские авантюры своей единственной жизнью). В последний раз отвлечься от научной работы генералу Гарееву пришлось в 1989 г. Тогда, после вывода советских войск из Афганистана, его назначили главным военным советником при правительстве Наджибуллы. Неумолимая «логика исторических событий» привела марионеточный кабульский режим к краху. Для самого Наджибуллы эта история закончилась смертной казнью, а Махмуд Ахметович вернулся в Москву и получил орден Ленина. Казалось бы, личный опыт участия в ближневосточной и афганской войнах должен был нагляднейшим образом убедить генерала Гареева в том, что ни огромный численный перевес, ни подавляющее техническое превосходство не могут спасти армию, солдаты которой не желают воевать. Увы, «полезные занятия» историей по-советски помешали товарищу Гарееву увидеть и признать эту простую «логику жизни».

Скажу честно – мне (да и не только мне) имя М.А. Гареева стало известно только благодаря В. Суворову, который в своей книге «Последняя республика» привел несколько примеров изумительного невежества главного военного историка СССР. С тех пор такие перлы, как «опиум войны» и «38-тонные танки» (таким незатейливым образом наш трижды академик расшифровывал немецкое обозначение легкого танка чешского производства Pz-38(t)), стали ходячим анекдотом в узких кругах военных историков. Памятуя, однако же, о том, что негоже ругать то, что не читал лично, я решил пролистать самые свежие («постперестроечные») работы М.А. Гареева. Да-да, именно «самые свежие». Дело в том, что, несмотря на почтенный возраст (в 2003 г. был отмечен 80-летний юбилей), генерал Гареев является не бывшим, не «почетным», а самым что ни на есть действующим президентом Академии военных наук. Официальная биография выдающегося ученого содержит упоминание о 250 (!!!) опубликованных научных работах...

С первых же минут чтения стало ясно – Махмуд Ахметович не стареет душой и не «изменяет принципам». Что, несомненно, заслуживает всяческого уважения. Да и кому не будет приятно перенестись, хотя бы мысленно, хотя бы с книжкой в руках, в незабвенные годы пионерского детства? Десятки и сотни страниц текста заполнены общими рассуждениями, лишь изредка прерываемыми такой конкретикой: *«Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий Германии и ее союзников... На советско-германском фронте была уничтожена основная часть военной техники вермахта: свыше 70 тыс. самолетов, около 50 тыс. танков и штурмовых орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов».*

Сильно сказано. 507 дивизий. Это когда же у Германии была армия такой численности? Знает ли главный военный историк России о том, сколько людей и лошадей, артиллерийских орудий и подготовленных командиров требовалось для укомплектования одной пехотной дивизии вермахта? Сколько людей в корпусных и армейских частях, в тыловых, транспортных, санитарных службах должны обеспечивать боевую работу этой дивизии? Весной 1940 г. во всей сухопутной армии Германии числилось 156 дивизий. 22 июня 1941 г. на западной границе Советского Союза в составе Групп армий «Север», «Центр» и «Юг» было сосредоточено 115 дивизий вермахта и боевых частей СС. В дальнейшем группировка немецких войск на Восточном фронте возрастала на десятки дивизий, но отнюдь не в разы. И что самое примечательное – через два абзаца Гареев (или те аспиранты-троечники, которые писали за него очередной, 251-й «научный труд») сообщает: *«В июне 1944 г. против Советской Армии действовало 181,5 немецкая дивизия... Перед завершающей кампанией 1945 г. советские войска имели против себя 179 немецких дивизий».* Где же и когда же было разгромлено «507 немецко-фашистских дивизий»? Не хотелось бы заниматься гаданием, но, может быть, доктор военных наук имел в виду что-то вроде: «потери немецких войск на Восточном фронте за четыре года войны были столь велики, что этим количеством личного состава можно было бы укомплектовать 507 дивизий»? Не говоря уже о том, что такой подход к оценке численности армии противника уместен разве что в стенгазете трикотажной фабрики, цифры опять же не сходятся. 507 пехотных дивизий вермахта – это 8 млн. человек, а все безвозвратные (убитые, пропавшие без вести, пленные) потери вермахта и боевых частей СС за 6 лет войны на всех фронтах (!) оцениваются цифрой порядка 4,6 млн. человек.

Одно из двух: или печатная машинка, или арифмометр у академика Гареева поломанные. Ничуть не в лучшем состоянии находится и его курвиметр. Прошу не вздрагивать – это такая палочка с маленьким колесиком на конце. При помощи этого прибора измеряется длина кривых линий на географической (топографической) карте. К чему это я? А вот к чему: *«Небывальным в истории был пространственный размах вооруженной борьбы на советско-германском фронте. С первых же дней она развернулась здесь на рубежах протяжением свыше 4 тыс. км».* В первые дни войны вермахт наступал на фронте от устья Немана на севере до Карпатских

гор на юге. От Клайпеды до Самбора. Это порядка 800 км по прямой. Но граница до войны (и линия фронта после ее начала) не была прямой. Это причудливо петляющая кривая линия. Ее длина была промерена еще задолго до первых оружейных залпов на границе. Результаты опубликованы сотни раз. Напоминаю: Северо-Западный фронт (8-я и 11-я Армии) – 300 км, Западный фронт (3-я, 10-я, 4-я Армии) – 470 км, Юго-Западный фронт (5-я, 6-я, 26-я Армии) – 410 км. Итого – 1180 км фронта. Округленно – 1200, но никак не 4000. Ладно, предположим, что исправного курвиметра в Академии военных наук нет. Это я вполне могу допустить. Но неужели же генерал армии, заместитель начальника Генерального штаба огромной страны не понимает, что своей фразой про «4 тыс. км фронта» он высек сам себя больнее, чем злополучная унтер-офицерская вдова? Махмуд Ахметович, сколько войск надо иметь для успешного наступления на фронте в 4 тыс. километров? Хватит ли для такого великого подвига и тех «507 дивизий вермахта», которые насчитали ваши референты? Неужели же во всей Академии военных наук нет ни одного экземпляра предвоенного Полевого устава Красной Армии (ПУ-39)?

Параграф 98 этого основополагающего документа предусматривает следующую плотность построения боевых порядков при наступлении: *При атаке сильно укрепленных полос и УР — 2 км для дивизии, на второстепенных направлениях — от 5 до 6 км*. Если даже считать нерушимые рубежи Советского Союза, вдоль которых было сформировано 15 укреп-районов (Тельпайский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский), жалким «второстепенным направлением», которое прикрывает третьесортная армия, то и в этом случае для наступления на фронте в 4 тыс. км требуется 666 дивизий. Где же их было взять? Хорошо, согласимся с тем, что для командиров вермахта ПУ-39 не обязателен. Посмотрим, как воевали немцы практически.

10 мая 1940 г. немецкое командование сосредоточило 77 дивизий на фронте протяженностью порядка 350 км. Средняя оперативная плотность – 4,5 км на дивизию. Средняя. На направлении главного удара, в 130-км полосе от Льежа до Седана, наступали две немецкие армии (4-я и 12-я) в составе 23 пехотных, 7 танковых и 5 моторизованных дивизий. Оперативная плотность – 3,7 км на дивизию. Через две недели, с 10 по 24 мая, немецкие танки вышли к Ла-Маншу, преодолев 300–350 км. Средний темп наступления моторизованных соединений составил 26 км в день. Отечественные историки и по сей день не стесняются называть это «триумфальным маршем вермахта по Франции». Если же верить академику Гарееву, то в июне 1941 г. вермахт наступал (причем еще быстрее!) на фронте в 11 раз большей протяженности, имея при этом всего лишь в 1,5 раза большее число дивизий. Как такое стало возможным, если версию о том, что бойцы и командиры Красной Армии «*побросали оружие и бежали*» М.А. Гареев решительно отвергает?

После таких «перлов» как-то уже спокойнее воспринимается совершенно феерическая фраза о том, что в общий перечень «*уничтоженной военной техники вермахта*» вошло и «*70 тыс. самолетов*» (эта цифра завышена как минимум в пять раз) и даже «*2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов*». Даже барон Мюнхгаузен, пролетая на пушечном ядре над Черным и Балтийским морями, не смог бы обнаружить там такое количество боевых кораблей Германии. Причина этому предельно проста: в Черном море крупных кораблей не было вовсе. Турция, сохраняя лояльность по отношению к Англии и СССР, не разрешила проход немецкого флота через Босфор и Дарданеллы, в результате чего под красным флагом с фашистской свастикой на Черном море плавало лишь то, что можно было перевезти из Германии в румынские порты по железной дороге: подводные лодки сверхмалого класса, торпедные катера, разборные десантные баржи, разборные же самоходные паромы и т. п. На Балтике было что топить, да вот только топить было некому. Краснознаменный Балтфлот с первых же часов войны был «заперт» немецкими минными полями в Финском заливе, а после злосчастного «Таллиннского перехода» и потери всех баз, кроме блокированного с суши

Ленинграда (Кронштадта), боевой путь КБФ был по большому счету завершен. Что же касается реального количества уничтоженных советскими флотами боевых кораблей противника, то общая картина примерно такова. В 1957 г. был подготовлен секретный отчет о боевых действиях советских ВМС, в котором утверждалось, что за всю войну на всех морях было потоплено 17 немецких эсминцев и 6 кораблей большого класса (крейсеров, броненосцев береговой обороны). Правда, при более тщательном изучении этих цифр, каковое стало возможным лишь в постсоветские времена, выяснилось, что большая часть «уничтоженных боевых кораблей противника» или была накануне капитуляции Германии взорвана и затоплена самими экипажами, или же была потоплена авиацией союзников, а то и вовсе благополучно плавала до 50–60 гг. В «сухом остатке» 7 реально потопленных эсминцев, 1 крейсер и 1 финский броненосец береговой обороны.

Разумеется, такие мизерные результаты боевой деятельности огромных советских флотов (3 линкора, 7 крейсеров, 54 лидера и эсминца, 212 подводных лодок, 22 сторожевых корабля, 80 тральщиков, 287 торпедных катеров, 260 батарей береговой артиллерии по состоянию на 22 июня 1941 г.) советскую военно-историческую науку устроить не могли. Положение было исправлено традиционным для этой «науки» способом – при помощи союза «И». Метод этот одновременно и универсальный, и эффективный. «В ходе авиаударов по вражеским колоннам было уничтожено 736 танков, бронетранспортеров И конных повозок». На море же было потоплено великое множество *«боевых кораблей, транспортов И вспомогательных судов»*. Если в последнюю категорию зачислить все прогулочные катера, рыбацкие шаланды и спасательные шлюпки, на которых сотни тысяч беженцев (2 млн., по утверждениям немецких историков) весной 1945 г. пытались покинуть окруженную Восточную Пруссию и Померанию, то можно было бы получить любой результат. Но академия товарища Гареева решила (или получила указание свыше) остановиться на «скромной» цифре в 2,5 тысячи.

Абсолютно искренне желая Махмуду Ахметовичу встретить 90-летний юбилей в добром здравии, в окружении внуков и правнуков, я, как рядовой гражданин России и исправный налогоплательщик, не могу согласиться с тем, что храм науки, каковым должна была бы быть Академия военных наук, превращен в закрытую элитную богадельню для номенклатурных пенсионеров. Вот такой уж я злой Сальери. *«Мне не смешно, когда маляр ничтожный мне пачкает Мадонну Рафаэля. Мне не смешно, когда фигляр презренный пародией бесчестит Алигьери...»* Единственно, что меня немного смешит – это когда товарищи Гареев и К^о начинают громко возмущаться: «Перестаньте переписывать историю!» Что переписывать? Какую «историю»? Ваши заведомо ложные измышления про 507 немецких дивизий и 70 тыс. сбитых самолетов, про «внезапное нападение» и «безнадежно устаревшие» советские танки, про сугубо мирную сталинскую империю и многократное численное превосходство противника? Если же речь идет о скрупулезном и непредвзятом изучении событий Великой Войны, то как можно ПЕРЕписать то, что еще только-только начинает создаваться?

И последнее замечание перед тем, как перейти к изложению основного материала. Есть один тонкий нюанс, который многие искренне не понимают, а некоторые на этом осознанно спекулируют. В русском языке есть два слова: «бесстрастный» и «беспристрастный». Несмотря на большое сходство в написании, это – разные слова.

И смысл у них совершенно разный.

Тоталитарный коммунистический режим действительно был кровавым и антинародным. Рано или поздно, но его безмерные преступления будут осознаны и осуждены даже и в той стране, откуда эта смертоносная зараза пошла по всему миру. То, как сталинский режим развязал мировую войну, как он бросил в эту войну советский народ, является, возможно, самым кровавым из его преступлений. Изучать эти события, писать о них без душевного волнения, бесстрастно может только электронная машина. Человеку такое не дано. А вот врать при

этом совсем не обязательно. Да и незачем – действительность практически всегда оказывается страшнее и ярче любого вымысла. Так что никакой прямой связи между страстностью в изложении материала и пристрастным отбором одних только «удобных» для автора фактов нет. Ее нет в исторических исследованиях, нет ее и в обыденной жизни. Каждый из нас на основании собственного жизненного опыта знает, что бывают страстные, эмоциональные натуры, которые, однако же, чужой копейки не возьмут. Встречаются и абсолютно флегматичные, вечно невозмутимые жулики и мерзавцы. Никакой связи между эмоциями и воровством обнаружить пока не удалось.

А вот связь между политическими убеждениями автора и достоверностью его произведения есть. И очень даже заметная. Это сегодня мы как-то подзабыли, что совсем еще недавно тов. Гареев и его коллеги без тени смущения называли себя «бойцами идеологического фронта». Нас приучили – и мы с этим безропотно согласились – не вспоминать о том, что некоторые (многие? все?) коммунистические «историки» были по совместительству еще и сотрудниками одной известной конторы, которая (вы и об этом уже забыли?) опять-таки без тени смущения называла себя «вооруженный отряд партии». А на войне, уважаемые, как на войне. Сказать правду – предательство. Обмануть – дело доблести и геройства. Я нисколько не сомневаюсь в том, что тов. Гареев, подписывая составленный его подчиненными текст про «507 разгромленных дивизий вермахта и 70 тыс. сбитых самолетов», делал это с чистой совестью, с сознанием выполненного партийного долга. «Воспел подвиг воина Красной Армии. Дал достойный отпор буржуазным фальсификаторам, принижающим историческую роль. Посодействовал коммунистическому воспитанию молодежи...»

Будучи человеком демократических, «западных», либеральных убеждений, я делаю свою работу по-другому.

Ни моральных, ни материальных стимулов к тому, чтобы врать вам, уважаемый читатель, у меня просто нет. Свои взгляды я не только не скрываю, но прямо и ясно сообщаю вам на первых же страницах книги. Да, я не из тех. Я – из этих. На следующих страницах вам будут представлены не только (и не столько) выводы, сколько аргументы и факты. Ссылки на источник при каждой значимой цифре. Желающие могут проверить, хотя честно и искренне советую – не тратьте время зря.

Часть 1 Колосс советский

Глава 1 Главная причина поражения

По общепринятому порядку глава с таким названием должна была бы появиться в конце книги, посвященной событиям 41-го года. Но, наученный горьким опытом написания и издания двух предыдущих книг, я решил больше не рисковать. Не подставляться. Как-то так получается, что самая шумная часть читателей, не имея терпения дочитать текст до конца (или до середины, или дальше 10-й страницы), тут же роняет книгу и берет в руки ручку. Вот, например, известный журналист Л. Радзиховский уже второй год терроризирует меня тремя тысячами танков. Все началось с того, что 22 июня 2005 г. господин Радзиховский решил рассказать образованной публике про мой скромный труд. Кратко обозначив автора взволновавшей его книги (*«какой-то историк-любитель из Самары, которого я знать не знаю»*), маститый мастер пера сообщил, что Солонин привел много новых и интересных фактов.

В частности, новейших танков Т-34 и КВ в начале войны в Красной Армии было, оказывается, 3 тыс. единиц. Очень интересный факт. Количество танков в армии оказалось чуть ли не в два раза больше, чем их было сделано на заводах. Прошел год. Все мои попытки связаться с г. Радзиховским и попросить его открыть мою книгу на стр. 499 успехом не увенчались. Наступил следующий печальный юбилей – 22 июня 2006 г. Господину Радзиховскому опять понадобилось написать «статью к дате». Вы таки будете смеяться – но он опять вспомнил про *«некого историка-любителя из Самары, какого-то неведомого Марка Солонина»* и опять сообщил «городу и миру» про якобы найденные мной 3 тысячи новейших Т-34 и КВ. Что это было? Во всех изданиях книги «Бочка и обручи» (маркетинговая служба издательства ЭКСМО заменила авторское название на более, с их точки зрения, понятное читателям «22 июня»), начиная с 2003 г., на последних страницах имеется Приложение № 2. Это таблица, в которой я перечислил все 20 мехкорпусов Красной Армии, принявших участие в боевых действиях первых недель войны. По каждому мехкорпусу указаны номера входивших в его состав танковых и моторизованных дивизий, указано количество танков, «старых типов» – отдельно, новейших Т-34 и КВ – отдельно. Цифры просуммированы по фронтам и направлениям. Указано и общее число: **12 379 танков**, в том числе **1600 Т-34 и КВ**. Цифра выделена жирным шрифтом. Вероятно, г. Радзиховскому недосуг было пролистать книжку «любителя из Самары» до предпоследней страницы. И что самое (для меня лично) удивительное – за полтора года никто не захотел исправить эту несуразность, хотя обе статьи Радзиховского бурно обсуждались в Сети.

«Врагов имеет в мире всяк, но от друзей храни нас, Боже...» Какой-то неведомый мне Андрей Кротков решил похвалить меня на страницах «Независимой газеты». Или отработать свои сребреники на подложном использовании моего имени для огульной критики В. Суворова (каковую критику так называемая «независимая газета» очень любит).

Оказывается, *«оперируя документами оборонных ведомств, Солонин доказывает главное – никаких «планов упреждающего удара» (главной коллизии, на которой построены все книги Виктора Суворова) не было. Существовал и выполнялся (очень плохо) план стратегического развертывания и мобилизационного прикрытия»*. У человека, который прочитал мою книгу – или хотя бы знаком с военной терминологией, – от таких «перлов» очки и волосы встанут дыбом. Сталинским планам вторжения в Европу в моей книге уделено по меньшей мере три главы. Одна из них так и называется: «Час твой последний приходит, буржуй». Для полной ясности приложена цветная карта южной Польши с красными стрелочками, устремленными на запад. Чего ж вам боле? Но господин Кротков продолжает «нахваливать» меня: *«Цифр в книге Солонина много, и доверия они заслуживают... Достаточно прочувствовать цифру: страна*

за 4 года потеряла убитыми и умершими 43,5 млн. граждан. Пятую часть населения». Цифр в книгах Солонина действительно много. И доверия они, безусловно, заслуживают. Но зачем же к этим цифрам примешивать такой бред сивой кобылы?

Признаюсь, я совершенно не ожидал столкнуться с тем, что писателей у нас гораздо больше, чем читателей (под последним термином я понимаю человека, способного прочесть и адекватно воспринять текст, написанный простым, без малейших претензий на наукообразность, русским языком). Моя первая книга имела подзаголовок: «Когда началась Великая Отечественная война?» Вопросительный знак – не опечатка. Это главный вопрос, для ответа на который и написано без малого 500 страниц. Для того чтобы самое важное не прошло мимо внимания читателя, я:

- продублировал вопрос в названии последней части книги,
- разместил конкретный ответ буквально на последних строках последней главы и
- выделил жирным шрифтом: **«осень 1942 – весна 1943 гг.»**.

Несколькими абзацами выше приведены и аргументы в пользу такого ответа. Я предполагал, что предложенная мной методика (анализ структуры потерь личного состава, процентного соотношения санитарных и безвозвратных потерь) покажется кому-то из читателей странной, ошибочной, претендующей на неуместную экстравагантность и пр. Я был готов к дискуссии на эту тему – но я ее так и не дождался. Видимо, редкий дятел долетит до 490-й страницы, зато прокукарекать что-то несуразное этот дятел (вопреки законам природы) всегда готов.

Вот, например, А.А. Киличенков, доцент кафедры отечественной истории новейшего времени РГГУ, опубликовал («Новый Исторический Вестник», № 15) огромную разгромную рецензию, в которой долго и больно возмущался *«гипотезой о начале Великой Отечественной войны 17 июня»*, которую якобы выдвинул Солонин. Ну, с доцентом кафедры отечественной истории все понятно – про таких сказано: «Был чином от ума избавлен». Удивляет и огорчает другое: даже некоторая часть нормальных людей, обсуждавших мою книгу (печатно и электронно), сообщила, что, *«по утверждениям Солонина, Великая Отечественная война началась 17 июня 1941 года»*. Происхождение этой даты мне понятно: первая глава книги называлась «Вторник, 17 июня». Сам виноват. Не подумал я о том, что «писатели» вечно спешат и читать вторую и последующие главы им будет некогда. Один товарищ просто потряс меня сообщением о том, что война, по утверждению Солонина, оказывается, началась после заключения Пакта Молотова – Риббентропа. Насколько я помню, среди 138 тысяч слов, составляющих полный текст книги, слово «пакт» (и все, что с этим связано) не упомянут ни разу. Современный историк А. Исаев прочитал мою книгу, увидел... и высказал свое возмущение тем, что *«датой фактического начала Великой Отечественной войны М. Солонин считает события периода Гражданской войны и последовавшей за ней коллективизации и репрессий»*. Сильно сказано...

По всему по этому я и решил на первых же страницах первой главы сообщить всем «писателям», что самую главную причину поражения 41-го года я знаю. Безоговорочно признаю. Спорить со мной на эту тему не надо. Я и безо всяких дополнительных доказательств полностью согласен с тем, что: **главной причиной поражения был вооруженный противник.**

Признаюсь и в том, что сам я до того не додумался. Мне это подсказали писатели-критики. Да и после многократной подсказки я не сразу понял – что же они имеют в виду? Например, уже упомянутый А. Исаев сердито указал мне на то, что Красная Армия развалилась не сама. *«Ее развалили солдаты в форме фельдграу»*. Что означает слово «фельдграу», я еще могу догадаться («полевой-серый», цвет гимнастерок солдат вермахта, на русский это обычно переводилось словом «мышинный», но г. Исаев любит демонстрировать свое знакомство с «иностранными источниками»). Понять тайный смысл критического замечания было труднее. Разумеется – развалилась не сама собой. Бочка тоже разваливается не сама собой, а только после того, как с нее сильным ударом будут сбиты обручи. Но на поле боя (операции, войны) сталки-

ваются две армии. Иначе это не бой и не война. Наличие противника «в форме фельдграу» (или в любой другой форме) не должно, как мне казалось, считаться внештатной ситуацией для войны. И Красная Армия создавалась, вооружалась, оснащалась не только для парадов, но и прежде всего для того, чтобы при столкновении с ней разваливалась любая вражеская армия. *«Любой враг разобьет свой медный лоб о советский пограничный столб»* (из речи Молотова на открытии 18-го съезда ВКП(б)).

А. Исаев выразился вежливо. Но непонятно. Безымянный критик на одном из интернет-сайтов выразился грубо, зато доходчиво. *«Автор – идиот. Он не понимает, что те 66 900 орудий и минометов, про которые он пишет, были не брошены, а потеряны при О-Т-С– Т-У-П-Л-Е-Н-И-И»*. Так и написал. В разбивку. И я сразу понял, чего от меня хотят. Мне хотят объяснить, что если б не было войны, то Красная Армия не потеряла бы ни одной пушки. А если бы в случае войны противник не мешал наступать, то и тогда Красная Армия не потеряла бы столько военной техники. Но противник нагло, бесцеремонно и – что самое главное – совершенно неожиданно мешал. Не давал он Красной Армии воевать спокойно, с чувством, с толком, с расстановкой. Вот из-за такого противного противника и возникло О-Т-С-Т-У-П-Л-Е-Н-И-Е. А произнесение вслух этого волшебного слова («отступление») является, по мнению моего анонимного хулителя и легиона его единомышленников, заклинанием, которое разом освобождает всех от присяги, от обязанности выполнять приказы, уставы, наставления. Вопрос (на мой взгляд – напрашивающийся сам собой) о том, что же было причиной, а что – следствием, даже не обсуждается. Злополучное «отступление» воспринимается как некое стихийное бедствие, как уважительная, «объективная» (т. е. от действия или бездействия людей не зависящая) причина, оправдывающая потерю астрономического количества вооружения.

Впрочем, мои критики это все тоже не сами придумали. Они просто продолжили давнюю традицию. Самый первый (из известных мне, не исключая, что есть и более ранние образцы) текст подобного содержания был написан 6 июля 1941 г. Это приказ № 2 войскам 11-й Армии (Северо-Западный фронт). Документ подписали все три члена Военного совета армии (командующий войсками армии генерал-лейтенант Морозов, начальник штаба армии генерал-майор Шлемин, ЧВС бригадный комиссар Зуев). В соответствии с установленным в Красной Армии порядком оформления приказов после даты (6 июля 1941 г.) было указано место, где находится штаб 11-й Армии. Место это – Идрица, поселок и железнодорожная станция на юге Псковской области, примерно в 80 км к северу от белорусского Полоцка. Строго говоря, этим уже сказано ВСЕ. На 15-й день войны штаб 11-й Армии оказался на расстоянии в 450 км по прямой от государственной границы. Отойти на такое расстояние за 15 дней невозможно. Можно отбежать, но и это крайне утомительно – если только не бросить все мешающие марафонскому забегу тяжелые предметы (винтовки, гранаты, пулеметы, минометы, пушки...).

Подробный анализ обстоятельств и хронологии разгрома Северо-Западного фронта выходит за рамки нашей книги. Ограничимся лишь очень кратким цитированием монографии «1941 год – уроки и выводы», изданной в 1992 г. группой военных историков Генерального штаба тогда еще Объединенных Вооруженных сил СНГ:

«...26 июня положение отходивших войск резко ухудшилось... 11-я Армия потеряла до 75 % техники и до 60 % личного состава. Ее командующий генерал – лейтенант В. И. Морозов упрекал командующего фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова в бездействии... в Военном совете фронта посчитали, что Морозов не мог докладывать в такой грубой форме, при этом Ф.И. Кузнецов сделал ошибочный вывод, что штаб армии вместе с В. И. Морозовым попал в плен и работает под диктовку врага... Среди командования возникли раздоры...»

В тот же самый день, 26 июня 1941 г., в районе Даугавпилса сдался в плен начальник Оперативного управления штаба Северо-Западного фронта генерал-майор Трухин (в дальнейшем Трухин активно сотрудничал с немцами, возглавил штаб власовской «армии» и закончил свою жизнь на виселице 1 августа 1946 года). (20, стр. 164) Остатки 11-й Армии и ее штаб искала

разведывательная авиация. Не немецкая авиация – наша. 30 июня поиски увенчались некоторым успехом. В этот день из Москвы в адрес командующего С-З.ф. ушла телеграмма, подписанная Г.К. Жуковым: *«Врайоне ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я Армия Северо – Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать...»* Другими словами, остатки армии находились в 150–200 км от границы, но еще в 100 км западнее Даугавы (Западной Двины). На восток к Полоцку и Идрице, через Даугаву смог переправиться практически один только штаб 11-й Армии. К такому выводу можно прийти на основании доклада, который 4 июля 1941 г. направил в Москву новый начальник штаба С-З.ф. генерал-лейтенант Н. Ватутин (прежний начштаба Кленов был арестован и в октябре 1941 г. расстрелян). Ватутин доложил Жукову полный перечень частей и соединений фронта, которые он смог обнаружить.

В многостраничном донесении указаны даже те дивизии, от которых остались только номер, боевое знамя и полтысячи бойцов с парой пушек. По поводу 11-й Армии сказано дословно следующее: *«По 11-й Армии (16-й стрелковый корпус, 29-й стрелковый корпус, 179-я и 184-я стрелковые дивизии, 5, 33, 128, 188, 126, 23-я стрелковые дивизии, 84-я моторизованная дивизия, 2-я танковая дивизия, 5-я танковая дивизия, 10-я артбригада противотанковой обороны, 429-й гаубичный артиллерийский полк, 4-й и 30-й понтонные полки) сведений нет».*

Все это можно свести к двум коротким словам: «полный разгром». И вот 6 июля 1941 г. командующий этой разгромленной армией издает такой приказ:

«I. Войска армии закончили выполнение большой и ответственной задачи по выходу из окружения противника и сосредотачиваются за линией наших войск в новых районах. С первого дня войны личный состав армии показал беззаветную преданность нашей великой советской Родине и Коммунистической партии. Все наши соединения и части с мужеством и стойкостью отбивали вероломное нападение врага, нанося ему громаднейшие потери. Многие наши подразделения не растерялись и с честью выполняли свои задачи, находясь в окружении превосходящего противника. Части армии в первых боях добились того, что враг в последующие дни с осторожностью и опаской следовал за отходившими нашими частями. (Подчеркнуто мной. – М.С.)

II. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Широко разъяснить всему командному, начальствующему, красноармейскому составу обстановку и условия выхода армии из окружения. Широко разъяснить всем бойцам и командирам, что части армии за весь период боевых действий под напором врага отступали только при неожиданном нападении 22 июня сего года. Ни в одном из последующих боев, которые вели части армии с превосходящими силами врага, последний не добился успеха. Мы отходили в силу создавшейся общей обстановки».

Вот так вот. Не беспорядочное отступление в темпе форсированного марша (по 25 км в день), не потеря боевой техники и массовое дезертирство (чем еще можно объяснить потерю «60 % личного состава отходивших войск» на 5-й день отступления и почти полное отсутствие личного состава на 13-й день этого странного «отхода»?) создали на фронте в Прибалтике вполне определенную «обстановку», а сама собой создававшаяся «общая обстановка» объявлена первопричиной всех бед. При всем при этом понять логику генерала Морозова можно – война еще только начиналась, и он хотел подбодрить немногих оставшихся в строю бойцов. Приказ № 2 – это, по сути дела, документ военной пропаганды, каковая по определению не имеет права быть правдивой. И с этой точки зрения становится уместной даже совершенно фарсовая фраза про противника, который с «осторожностью и опаской» крался за бегущей в силу «создавшейся обстановки» Красной Армией.

Генерала Морозова понять можно. Гораздо труднее понять маршала Г.К. Жукова, когда он в совершенно мирной обстановке, через десятки лет после завершения войны, размышляя

в своих воспоминаниях о причинах «временных неудач», решил **пожаловаться на противника:**

«Ни нарком обороны, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников и К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов». (15, стр. 282)

Обратите внимание на то, как построена фраза. Маршал Жуков прекрасно понимает всю абсурдность и лживость этих слов и поэтому немедленно записывает к себе в соавторы давно ушедших в лучший мир маршалов Тимошенко, Шапошникова, Мерецкова, а под конец – и весь «руководящий состав Генерального штаба» хохом (т. е. Ватутина, Василевского и других). Что же так удивило Великого Маршала Победы? Вы не ожидали, что противник создаст мощные ударные группировки на выгодных для него (а не для вас) стратегических направлениях? Вы не рассчитывали, что противник постарается нанести «сокрушительные рассекающие удары»? А чего ж тогда вы ждали? Ласкового похлопывания по попе? Того, что немцы соберут по роте выздоравливающих от каждого армейского госпиталя и пошлют их реденькой цепочкой прямиком в болота Полесья? И откуда же взялись такие благостные ожидания?

Главная аксиома оперативного искусства – концентрация сил. Это знает каждый выпускник школы ротных старшин. Каждый солдат-новобранец убеждается в этом на собственном опыте, на первом же выходе в поле (в лес). Крохотный комарик весом менее одного грамма сокрушительным рассекающим ударом пробивает толстенную шкуру человека. Почему ему это удастся? Потому, что ничтожная комариная сила сконцентрирована на микроскопическом участке острия комариного жала. К лету 1941 года каждому военному специалисту было известно, что командование вермахта вполне осознает и мастерски реализует на практике основной принцип концентрации. Был уже к тому времени опыт войны в Польше, была блестяще проведенная операция на севере Франции. Последний пример можно считать особенно ярким.

На уровне стратегии немцы проявили свою приверженность идее концентрации всех сил для решения главной задачи тем, что из имеющихся у них 156 дивизий для войны с Францией и ее союзниками было выделено 136 (87 %). На огромных пространствах Дании, Польши, Чехословакии, Австрии и собственно Германии оставалось всего 13 дивизий (еще 7 дивизий вели боевые действия в Норвегии). Концентрация всех сил люфтваффе на одном-единственном направлении была и вовсе доведена до уровня азартной игры в «русскую рулетку». Из округов ПВО Кёнигсберга, Бреслау, Дрездена, Нюрнберга, Вены были сняты все истребители до одного. В зоне ПВО Берлина был оставлен штаб 3-й истребительной эскадры и одна из ее истребительных групп (II/JG-3). Всего 49 самолетов, из них по состоянию на 10 мая 1940 г. только 39 исправных. (24)

На оперативном уровне принцип концентрации сил был реализован с той же неуклонной решимостью. Общая протяженность западной границы рейха составляла 650 км (от Базеля на юге до голландского Арнема на севере). На второстепенных направлениях общей протяженностью в 300 км было оставлено всего 17 дивизий, зато в полосе наступления (на границе с Голландией, Бельгией и Люксембургом) уже в первом эшелоне (не считая резервов верховного командования) в первые же дни было введено в бой 77 дивизий, в том числе все танковые и все моторизованные. На направлении главного удара, на фронте в 130 км от Льежа до Седана, было сосредоточено 7 танковых дивизий из 10 и 5 моторизованных дивизий из 5. Мало этого – 15 мая на участок прорыва был переброшен еще один танковый корпус (2 танковые дивизии) из Бельгии. Сокрушительный удар проломил оборону французской и британской армий. Через две недели, 24 мая 1940 г., немецкие танки вышли к Ла-Маншу.

Об этом тогда писали все газеты мира (включая «Правду» и «Известия»). В массовых газетах (не говоря уже про специализированные военные издания) публиковались карты со стрелочками. Ладно, предположим, что читать газеты начальнику Генерального штаба Красной Армии было некогда. Так ведь и не надо – для сбора информации у него и у наркома обороны Тимошенко были другие структуры, другие источники. В частности, вплоть до самого начала войны в Москве находились военные атташе двух сторон: победившей Германии и побежденной Франции. Было с кем обсудить ход и исход кампании на Западе...

Но – может быть, мы не о том спорим? Может быть, Жукова несказанно удивил не сам факт создания противным противником ударных группировок для нанесения «сокрушительных рассекающих ударов», а то, что в состав этих группировок была включена *«такая масса бронетанковых и моторизованных войск»!* И на этот вопрос мы можем сегодня ответить совершенно однозначно. Действительно, «такой массы» ни Жуков, ни Тимошенко, ни сам Сталин не ожидали.

В начале 90-х годов были опубликованы некоторые документы советского стратегического военного планирования, позволяющие дать вполне конкретный ответ на вопрос о том, какие именно силы противника, с участием какой *«массы бронетанковых и моторизованных войск»* ожидало встретить в первых боях высшее военно-политическое руководство Советского Союза. Единственный вопрос, на который у меня нет точного ответа, – как это ведомство товарища Гареева допустило публикацию таких материалов? Впрочем, и здесь нет большой загадки. Мемуары Жукова были опубликованы сотнями тысяч экземпляров, процитированы в десятках миллионов газетных и журнальных публикаций, пересказаны сотням миллионов кино- и телезрителей так называемых «документальных» фильмов. Цитируемые ниже документы были опубликованы в известной крайне узкому кругу специалистов «малиновке» (двухтомный сборник «Россия-XX век. Документы. 1941 год», получивший такое название за цвет обложки), давно уже превратившейся в библиографическую редкость. Так что Гареев и гареевцы ничем особенно и не рисковали...

Вернемся, однако, к сути дела. Каждый из известных документов стратегического планирования начинался с раздела, посвященного оценке возможного состава группировки войск противника (противников). Множественное число здесь будет более уместным, так как советское руководство неизменно включало в состав противников СССР на Западе Финляндию, Румынию, Венгрию, Италию, причем по вопросу о численности вооруженных сил последних высказывались совершенно фантастические предположения. Так, по мартовскому (1941 г.) плану в составе группировки венгерской армии на советской границе предполагалось наличие 20 дивизий, в то время как фактически Венгрия развернула в Карпатах, на границе с советской Украиной, всего 3 бригады, что соответствует 1,5 «расчетной дивизии». Учитывая, что боевая ценность дивизий вермахта и, например, румынской армии просто несопоставимы, ограничимся только сравнением ожидаемой и реальной численности вооруженных сил главного противника – Германии. Для удобства восприятия сведем информацию в следующую таблицу.

ид	тд	мд	танки	самолеты
1. «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР», 18 сентября 1940 года				
145	17	8	10.000	13.000
2. «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР», 11 марта 1941 г.				
165	20	15	10.000	10.000
3. «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», 15 мая 1941 г.				
141	19	15		
4. Фактический состав групп армий «Север», «Центр», «Юг», 22 июня 1941 г.				
84	17	14	3.628	2500

Примечание: в число 84 пехотных дивизий включены 4 легкопехотные, 2 горно-стрелковые и 1 кавалерийская дивизии;

в число 14 моторизованных дивизий включено 4 моторизованные дивизии СС;
900-я моторизованная бригада и моторизованный полк «Великая Германия» учтены как одна «расчетная» мд.

Внимательный читатель, должно быть, обратил внимание на одну странность: фактическое число танковых дивизий вермахта чуть меньше ожидаемого (17 вместо 19–20), а танков оказалось в три раза меньше. Это не опечатка. Это с одной стороны – качество работы советской разведки, предполагавшей, что в одной танковой дивизии вермахта может быть до полутысячи танков, с другой – то, что в советской историографии называлось «особенности подготовки вермахта к нападению на СССР». В рамках этой подготовки Гитлер решил увеличить число танковых дивизий в два раза. «Особенность» заключалась в том, что сделано это было тем самым способом, которым в колхозах неизменно добивались рекордных надоев молока, – методом разбавления. Штатный состав танковой дивизии вермахта был изменен, и вместо двух танковых полков в дивизии оставили один (правда, при этом в некоторых дивизиях танковый полк включал в себя три батальона вместо двух, как было ранее). В конечном итоге утром 22 июня 1941 г. количество танков в одной танковой дивизии вермахта на Восточном фронте укладывалось в диапазон от 265 (7-я танковая дивизия) до 143 (9-я и 11-я). Сталин в такие игры не играл. Несмотря на стремительный рост числа танковых дивизий Красной Армии (до 61 к началу войны), штатное количество танков в одной дивизии снизилось весьма незначительно: с 413 по штатному расписанию июля 1940 г. до 375 по штату февраля 1941 г. (7. стр. 277)

Наиболее фантастическими были представления советской разведки о боевом составе люфтваффе. Так, по данным «Спецсообщения Разведуправления Генштаба РККА» от 11 марта 1941 г., немцы могли выставить на Восточном фронте 3820 истребителей, 4090 двухмоторных бомбардировщиков, 1850 пикирующих «Юнкерсов»-87. Фактическое число боеготовых самолетов по состоянию на 22 июня 1941 г. было: по истребителям – в 3,5 раза меньше, по бомбардировщикам – в 4 раза меньше, по пикировщикам – в 7 раз меньше. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы – как в сравнении с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, – что в докладе штаба Северо-Западного фронта № 3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., было сказано дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов»*. Это про 22 июня 41-го года такое написано. Про тот самый день, когда авиация противника якобы налетела и за полдня уничтожила всю советскую авиацию прямо на земле. На «мирно спящих аэродромах»...

Вероятно, для того, чтобы обсуждаемая фраза из воспоминаний Г.К. Жукова приобрела смысл и достоверность, надо убрать из нее все лишние слова и добавить три нужных. Вот тогда получится что-то вполне разумное. Например:

«Ни нарком обороны, ни я, ни мои предшественники, Б.М. Шапошников и К.А. Мерецков, ни руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник ТАКИМИ МАЛЫМИ СИЛАМИ СМОЖЕТ нанести сокрушительные рассекающие удары». И с учетом реального соотношения сил сторон это было бы совершенно верным определением.

Глава 2 «Наступление является выражением превосходства»

Первые публикации, в которых была указана реальная численность Красной Армии накануне войны, приведены данные по количеству и производству танков и самолетов, состоялись еще в конце 80-х годов прошлого века. Без малого двадцать лет назад. И ничего. Никто ничего не заметил. Напечатал, например, «Военно-исторический журнал» (официальный, заметьте, печатный орган Министерства обороны СССР) в далеком 1989 г. (№ 4) табличку, в которой были перечислены мехкорпуса, развернутые в западных приграничных округах, и приведено количество танков в них. Ноль эмоций. Но стоило только нескольким «историкам-любителям» обратить внимание образованной публики на то, что мехкорпусов в Красной Армии было, оказывается, больше, чем у немцев – танковых дивизий, стоило только этим «любителям» взять в руки исправный калькулятор и доложить читателям, что, например, войска Юго-Западного и Южного фронтов имели на вооружении 5826 танков, а немецкая группа армий «Юг» – всего 728, стоило только некоторым, особенно разнузданным «фальсификаторам истории» вслух заявить о том, что 5826 больше 728... Что тут началось... Сколько крика, сколько претензий... «Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Откуда вы это взяли? Предъявите документы! Нет, оригиналы с личной подписью Сталина! Мне же еще в школе МарьВанна рассказывала про многократное численное превосходство противника...» Товарищи дорогие, господа хорошие – что же вы у МарьВанны документы с подписью Сталина не требовали? Почему вы не замечаете публикацию документов и фактов, но столь бурно реагируете на очевиднейшие выводы, на основании этих фактов сделанные?

Что же касается действительно первейшего вопроса о достоверности приведенных здесь и далее цифр, то по этому поводу надо отметить два момента. Первое. Оригиалов документов с собственноручной подписью Сталина в моем личном архиве нет. Документы, с которыми я работал в государственных и военных архивах (например, так называемые «Особые папки» протоколов заседаний Политбюро, хранящиеся в РГАСПИ, или протоколы заседаний Комитета Обороны при СНК СССР, недавно рассекреченные в ГАРФе), представляют собой (по большей части) машинописные копии. Теоретически рассуждая, за истекшие 60 лет их можно было и подделать. Точно так же могут быть фальсифицированы и документы, опубликованные в «малиновке» (4. 6), и 42 тома «Сборников боевых документов» (СБД), и факты, приведенные в постоянно цитируемых мною монографиях, выпущенных коллективами военных историков Генерального штаба (2.3). Но в любом случае эти документы находились в распоряжении тех людей и структур, которые никоим образом не были заинтересованы в том, чтобы ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ состав и вооружение разгромленной летом 41-го года Красной Армии. Поэтому я считаю, что приведенные ниже цифры можно смело использовать в качестве минимального (скорее всего – заниженного) предела количественной оценки.

Второй момент связан с тем, что точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно как и армии любой другой мощной державы того времени), невозможно назвать в принципе. Причина этого очень проста – накануне войны СССР, Германия, Франция, Англия непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соединения, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, технически устаревшие машины списывались или выводились в тыловые подразделения, менялись штатные расписания и структура соединений, менялись способы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации нельзя, но – как станет ясно из дальнейшего – это и не создает больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала

Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» уже не имеют принципиального значения.

Первая мировая война завершилась Версальским мирным договором, в соответствии с которым Германия не только потеряла некоторые населенные немцами территории (т. е. потеряла часть призывных контингентов), но и – что гораздо важнее – была лишена права создавать и содержать боевую авиацию, танковые войска, артиллерию средних и крупных калибров. В целом разрешенная для Германии численность сухопутной армии (рейхсвера) была ограничена числом 10 дивизий. Страны Антанты даже и не скрывали того, что их целью является ослабить военный потенциал Германии до такого уровня, при котором Германия никогда не сможет вернуться в «клуб» великих европейских держав. С другой стороны, на советскую Россию – несмотря на то, что она предала своих союзников в Бресте, несмотря на то, что новая российская власть конфисковала без суда имущество английских, французских и американских граждан и компаний – никаких ограничений наложено не было. Страна «победившего пролетариата» отнюдь не стала (подобно Ливии или Северной Корее в современном мире) страной-изгоем. Ничего подобного. Победившие «пролетарии» (из числа бывших лавочников, люмпен-интеллигентов, а то и просто темных проходимцев типа Ганецкого) разъезжали по ведущим столицам мира, скупали оружие и военную технологию, почти открыто вербовали «агентов влияния», заманивали баснословными деньгами военных и технических специалистов. Гениальное пророчество Ульянова-Ленина о том, что на растленном буржуазном Западе найдутся (и в немалом количестве) «полезные нам идиоты», сбылось на 101 процент.

Таким образом, в полном несоответствии с извечными причитаниями коммунистической пропаганды (*«История отпустила нам мало времени»*) пресловутая «история» (т. е. «полезные идиоты» в Лондоне, Париже и Вашингтоне) предоставила Советскому Союзу значительно большее, нежели Германии, время для подготовки к Большой Войне.

Время – это очень важный ресурс. В некоторых делах – решающий. Как гласит известный афоризм: «Даже девять женщин не смогут родить ребенка за один месяц». Подготовка военных специалистов (танкистов, артиллеристов, летчиков, штурманов) требует еще большего, нежели срок нормальной беременности, времени. А уже для того, чтобы накопить многомиллионный запас обученных резервистов, и вовсе нужны долгие годы. У Германии этих лет не было, а у СССР – были. Однако одним лишь временем и огромными людскими и природными ресурсами задача создания высокоэффективной армии в середине XX века уже не решалась. Нужны были еще и современная промышленность, инженерные и научные кадры. С этим видом ресурсов в стране была «большая напряженность» – большевики имели неосторожность уничтожить или принудить к бегству из страны большую часть ученых и инженеров. За морями, за океанами проектировали свои истребители Сикорский, Северский и Картвели, английские и американские самолеты заправлялись высокооктановым авиабензином, изготовленным по технологии инженера Ипатьева... В распоряжении же Сталина были талантливая молодежь (но ей еще надо было учиться, учиться и учиться) и миллионы эков, которые могли добыть невообразимое количество руды, каковой можно было засыпать огромные каналы, вырытые другими эками. Да, еще можно было продать эту руду за границей и получить в обмен красивые бумажки с портретами мудрых президентов или даже золото. Но золото – в высшей степени бесполезный металл. Из него даже гвоздя хорошего сделать нельзя. А уж про золотой штык и говорить смешно (тяжелый и мягкий).

Решение проблемы было найдено опять-таки на Западе. В обстановке жесточайшего экономического кризиса (конец 20-х – начало 30-х годов) крупная буржуазия промышленно развитых стран мира наперегонки, отталкивая друг друга от «советской кормушки», бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки, лаборатории, испытательные стенды, целые заводы в полной комплектации. Безрассудная, безнравственная и самоубий-

ственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и ГУЛАГовских рабов) в горы оружия и военной техники. На гигантских предприятиях, оснащенных новейшим американским и немецким оборудованием, английский танк «Виккерс-Е» размножался тысячами экземпляров под названием Т-26, конструкция американского инженера Кристи превращалась в тысячи советских танков БТ. По немецким лицензиям было налажено производство 37-мм и 76-мм зенитных пушек, знаменитых «сорокапятков» (противотанковая пушка калибра 45 мм). Французские авиамоторы под скромными пролетарскими именами М87/М88 поднимали в воздух дальние бомбардировщики ДБ-3, оснащенные американскими автопилотами фирмы «Спэрри», французские же моторы, переименованные в М100/М103, стояли на советских бомбардировщиках СБ, лучшие в мире истребители Поликарпова И-15 и И-16 ревели моторами М25/М62 (в девичестве американский «Райт-Циклон»), на авиазаводе в подмосковных Филях (концессия фирмы «Юнкере») строился первый в мире тяжелый четырехмоторный бомбовоз ТБ-3 с двигателями М-17 (BMW-6)...

Уважаемый читатель, если вам не трудно – постарайтесь не читать в моей книге то, чего в ней нет. Я не говорю, что организовать массовое производство технически сложных видов вооружений – пусть даже и на базе импортного оборудования, импортных технологий, с помощью иностранных специалистов и по иностранным лицензиям – легко.

Легко ничего не делать и растранижировать наследство внуков и правнуков, качая сырую нефть по трубе, построенной отцами и дедами. Но и никакого «беспримерного чуда» в истории советской индустриализации 30-х годов нет. Такие же «чудеса» на нашей памяти произошли (и происходят сейчас) в Южной Корее, Тайване, Малайзии, Индонезии, Таиланде. С той только разницей, что так называемая «лапотная Россия» задолго до прихода большевиков к власти уже производила свои рельсы и свои паровозы, автомобили и самолеты, тяжелые крейсера и почти невесомые радиолампы. Проще говоря, не была Россия образца 1916 года ни Малайзией, ни Сингапуром...

Заставить людей работать Сталин и его «выдвиженцы» умели. Можно спорить о том, насколько рационально были организованы эти великие труды с точки зрения критерия «цена – результат». Очень может быть, что при нормальной конкурентно-рыночной организации дела, без ажиотажа, «штурмовщины» и репрессий колоссальные инвестиции 30-х годов могли бы дать еще большую отдачу. В любом случае «цена» мало беспокоила Сталина (зэки на колымских рудниках мыли золото в три смены без выходных), а результат был огромен. Советские «ученики», несомненно, превзошли своих западных «учителей». Приведем лишь два характерных свидетельства. В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге, основатель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (по сей день выпускающей совместно с фирмой «Дассо» реактивные «Миражи»). Вернувшись домой, он написал: *«Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз больше самолетов»*. В этой фразе, конечно же, больше эмоций, чем статистики. Но интересно, что такие же эмоции возникли после посещения французских авиапредприятий в том же самом 1936 г. и у молодого советского авиаконструктора А. Яковлева: *«Осматривая авиационные заводы Франции, я невольно сравнивал их с нашими. И каждый раз с глубоким удовлетворением приходил к выводу, что по масштабу, по качеству оборудования ни одно из виденных мною французских предприятий не могло идти ни в какое сравнение с любым из наших рядовых авиационных заводов»*.

Теперь перейдем от эмоций к сухим цифрам. Уже в 1937 году на вооружении Советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов – примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк Советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже **превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны.**

В 1940 г. воюющая Германия произвела 1877 одномоторных истребителей и 3012 бомбардировщиков, СССР – 4179 и 3301 соответственно.

Даже в 1941 году, в условиях потери или эвакуации ряда ведущих заводов, Советский Союз в 2,5 раза обогнал Германию по количеству выпущенных истребителей (7080 против 2852), отставая, правда, по числу произведенных двухмоторных бомбардировщиков (2861 против 3783). В дальнейшем количественные показатели выпуска боевых самолетов в Советском Союзе были все время выше. За одним исключением – в 1944 году, пытаясь противостоять массированным ударам стратегической бомбардировочной авиации союзников, Германия произвела 23 805 одномоторных истребителей (в 8 раз больше, чем в 1941 г.), а в СССР в тот год было выпущено «всего лишь» 16 703 истребителя. (24. 32). Но этот рывок в производстве истребителей был уже последним усилием германской авиапромышленности...

Столь же грандиозным был и масштаб советского танкового производства. Уже в начале 1939 г. по числу танков (14 540 – и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия ровно в два раза превосходила армии Германии (3420), Франции (3290) и Англии (550), вместе взятые. К 22 июня 1941 г. танковый парк советских вооруженных сил выражался немыслимой ни для одной другой страны мира цифрой **21 447 танков** (это, опять же, не считая 2,6 тыс. устаревших танкеток Т-27 и не считая 3,8 тыс. легких плавающих Т-37/Т-38/Т-40). (82) На вооружении вермахта в июне 41 г. числилось всего **5440 танков и самоходных орудий** всех типов (не считая 1122 танкеток Рз-I). **В четыре раза меньше**, чем в Красной Армии. Объем производства танков в СССР даже в катастрофическом 1941 году составил 6590 единиц (в том числе 1360 тяжелых КВ и ЗОЮ средних Т-34). Немцы же (на которых якобы «работала вся Европа») в 1941 году выпустили в полтора раза меньшее число танков и самоходных орудий (4110 единиц, включая 700 чешских Рз-38(t)). В следующем, 1942 году танковая промышленность СССР произвела уже 24 720 танков (в том числе 2550 КВ и 12 530 Т-34), что в 4 раза превысило объем производства танков и самоходных орудий в Германии (6090 единиц, в том числе 1560 танкеток и легких танков). (1, 2.11)

Огромные мощности военной промышленности, неисчерпаемые запасы природного сырья, многомиллионный резерв прошедших действительную службу военнослужащих запаса позволили Сталину создать самую крупную армию мира. К лету 1939 г. в составе Красной Армии уже числилось 100 стрелковых дивизий (считая 5 стрелковых бригад за две «расчетные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. Сухопутная армия страны-агрессора (Германии) насчитывала к этому времени всего 51 дивизию (в том числе 5 танковых и 4 моторизованные). По последнему утвержденному варианту мобилизационного плана МП-41 намечалось развернуть Красную Армию в составе: **198 стрелковых** (в том числе 19 горнострелковых), **61 танковая, 31 моторизованная, 13 кавалерийских дивизий. Всего 303 дивизии.** А также **94 корпусных артполка и 72 артполка РГК, 10 ПТАБРов** (противотанковая артиллерийская бригада РГК), **16 воздушно-десантных бригад.** По принятой традиции, мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизиям». Причем все эти соединения к 22 июня 1941 г. уже существовали в реальности. Каркасы 303 дивизий были созданы, 5,6 млн. человек были поставлены под ружье еще в рамках «армии мирного времени». Причем в армиях западных приграничных округов «каркасы» были в основном уже «заполнены». В 99 стрелковых дивизиях западных округов (включая Ленинградский ВО) численность личного состава (при штате в 14,5 тыс. человек) была доведена до: **21 дивизия – 14 тыс., 72 дивизии – 12 тыс. и 6 дивизий – 11 тыс. человек.** (3, стр. 83)

В ходе открытой мобилизации предполагалось главным образом **доукомплектование** ранее сформированных частей и соединений до штатных норм и создание очень небольшого («небольшого» в сравнении с гигантской численностью Красной Армии мирного времени) числа новых дивизий: в течение первых трех месяцев планировалось сформировать дополни-

тельно 30 новых стрелковых дивизий. (3. стр. 73, 4. стр. 607–651) Этим принятый в СССР порядок мобилизационного развертывания кардинально отличался от того, что было в других странах Европы. Например, Франция летом 1939 г. имела всего 33 кадровые дивизии при общей численности сухопутных войск метрополии порядка 550 тыс. человек. В ходе мобилизационного развертывания было сформировано более 50 новых, совершенно «сырых» дивизий, большая часть личного состава которых вообще ранее не служила в армии. В составе вермахта весной 1939 г. было всего 35 кадровых пехотных дивизий, в ходе открытой мобилизации число пехотных дивизий к началу следующего, 1940 года возросло до 86. Этим «новорожденным» дивизиям и предстояло сокрушить столь же молодую, мало подготовленную и плохо вооруженную французскую армию...

В апреле 1941 г. стрелковые дивизии Красной Армии были переведены на новый штат. Численность личного состава немного (на 16 %) уменьшилась и составляла теперь **14,5 тыс.** человек против **16,9 тыс.** в пехотной дивизии «первой волны формирования» вермахта. Несколько большая численность немецкой пехотной дивизии означала лишь большее развитие тыловых и вспомогательных служб – по огневой мощи стрелковая дивизия Красной Армии ничуть не уступала дивизии противника. По штатному расписанию апреля 1941 г. стрелковой дивизии полагалось 166 станковых и 392 ручных пулемета (в пехотной дивизии вермахта соответственно 138 и 378). О том, что в пехотной дивизии вермахта на 16 тыс. человек приходилось по штату всего 767 автоматов, а остальные были вооружены обыкновенными винтовками (в количестве 11,5 тыс.), написано уже немало (правда, на режиссеров и продюсеров так называемых «исторических» фильмов это еще не подействовало). Более того, стрелковая дивизия Красной Армии, на вооружении которой было 10 420 винтовок и карабинов, перевооружалась с «трехлинейки» на самозарядную винтовку Токарева (СВТ), что давало заметное преимущество над противником в плотности стрелкового огня. Для того чтобы никогда больше не возвращаться к обсуждению совсем уже бредовых измышлений о том, что в Красной Армии **до начала войны** (подчеркните эти три слова тремя жирными чертами, уважаемый читатель) не хватало даже винтовок, отметим, что реально имевшимся в наличии к июню 1941 г. стрелковым вооружением можно было укомплектовать следующее количество дивизий: (2. стр. 351)

- станковые пулеметы 460;
- ручные пулеметы 435;
- винтовки и карабины 743.

Традиционно мощной была советская артиллерия – этот беспощадный «бог войны» 20-го столетия. В состав стрелковой дивизии Красной Армии (наряду с тремя стрелковыми полками) было включено два артиллерийских полка. Кроме того, по 6 легких «полковых» пушек калибра 76,2 мм было в каждом из трех стрелковых полков. Итого: **18 полковых** короткоствольных 76,2-мм пушек, **16 «дивизионных»** (имеющих больший вес, большую длину ствола и соответственно большую начальную скорость снаряда) 76,2-мм пушек, **32 гаубицы калибра 122 мм и 12 гаубиц калибра 152 мм**. Для сравнения приведем численность артсистем и так называемый «вес суммарного залпа» полевой артиллерии польской, французской и немецкой пехотной дивизии (вес снарядов в системах сопоставимого калибра разных армий несколько различался, поэтому приведенное ниже значение веса суммарного залпа следует рассматривать только как ориентировочное).

	75 / 76,2-мм	100 / 105-мм	122-мм	150 / 152,2-мм	Вес залпа, кг
СССР	34	—	32	12	1395
Германия	20	36	—	18	1384
Франция	36	—	—	24	1183
Польша	30	15	—	3	531

Как видим, по числу стволов и весу суммарного залпа артиллерия советской стрелковой дивизии по меньшей мере не уступала «лучшим мировым стандартам». Вопреки широко рас-

пространенному заблуждению, о минометном вооружении в Советском Союзе тоже не забыли. По штатному расписанию стрелковой дивизии полагалось 84 ротных миномета калибра 50 мм и 54 миномета калибра 82 мм (в пехотной дивизии вермахта соответственно 93 и 54). Небольшое (на 9 единиц) отставание по числу легких ротных минометов с лихвой перекрывалось тем, что на вооружении стрелковой дивизии Красной Армии было еще и 12 мощных 120-мм минометов. По весу снаряда (мины) и поражающему действию эта система была уже вполне сопоставима с немецкой 105-мм гаубицей.

Все вышеперечисленное – это штатное расписание апреля 1941 г. Но, может быть, «история отпустила Сталину мало времени» и всех этих пушек-минометов в натуре просто не было? Для полной ясности стоит посчитать самим. Берем выпущенный Главным артиллерийским управлением в 1977 г. (и ныне уже рассекреченный) статистический сборник «Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.», берем исправный калькулятор и делим указанные в сборнике количества пушек, минометов и гаубиц на штатную численность вооружения стрелковой дивизии. В результате мы получаем некое условное число дивизий, которые можно было укомплектовать имевшимся артиллерийским вооружением. Да, разумеется, так мобилизационный план не составляют, но для оценки «общей ситуации» предложенный подход вполне уместен. Итак: (9, стр.248.250.252)

	Наличие, тыс. ед.	Кол-во дивизий
50-мм минометы	36 324	432
82-мм минометы	14 524	269
120-мм минометы	3 872	323
76-мм полковые пушки	4 701	261
76-мм дивизионные пушки	8 513	532
122-мм гаубицы	8 124	254
152-мм гаубицы	3 817	318

Как видно из приведенной таблицы, наличными запасами основных видов артиллерийского вооружения развертывание самой крупной армии мира было обеспечено полностью. Дивизионными «трехдюймовками» Красная Армия была обеспечена даже с таким избытком, что их порой ставили на вооружение артиллерийских батарей стрелковых полков, где штатно должны были быть легкие короткоствольные 76-мм пушки. Для самого внимательного читателя поясним, что штатное расписание горнострелковых, танковых, моторизованных и кавалерийских дивизий предусматривало значительно меньшее число артсистем, нежели в стрелковых дивизиях. В частности, 122-мм гаубиц горнострелковой дивизии требовалось 24 (вместо 32 в стрелковой), танковой – 12, моторизованной – 16, кавалерийской – 8.

Не менее показательно и сравнение числа артиллерийских стволов Красной Армии по состоянию на начало июня 1941 г. с вооружением противника: (9, стр. 248, 250, 263)

	СССР	Германия
82-мм (81-мм) минометы	14 524	11 767
76-мм (75-мм) пушки всех типов	15 298	4176
105-мм гаубицы	—	7076
122-мм гаубицы	8 124	—
107-мм (105-мм) пушки	862	760
122-мм пушки	1255	—
152-мм (150-мм) гаубицы и пушки	6458	3802
203-мм (210-мм) гаубицы	871	403

Разобравшись с количеством, скажем пару слов и о качестве. Из общего числа 56,7 тыс. орудий (включая 23,5 тыс. зенитных и противотанковых пушек), которые состояли на вооружении Красной Армии в начале июня 1941 г., 52,4 тыс. орудий (92 %) поступили в войска в период с 37-го по 41-й год. (3) Для пушек и гаубиц, срок службы которых исчисляется десятками лет, это можно определить словами «почти новые». Что же касается новизны тактико-технической, то новейшие системы образца 36—39-х годов составляли уже значительную часть общего артиллерийского парка. Так, например, в войсках Киевского особого военного округа из общего числа 2203 пушек калибра 76,2 мм новые системы составляли половину (1069 единиц). По 122-мм гаубицам и пушкам – 27 %, по 152-мм системам – 73 %. Для соседнего (и значительно более слабого) Одесского военного округа соответствующие цифры составляют 35 %,

13 % и 65 %. (33, стр. 79) Практически новым (и по времени разработки, и по дате выпуска) было все минометное вооружение, большая часть зенитных и противотанковых пушек. И останавливаться на достигнутом советское военно-политическое руководство не собиралось. Так, утвержденный 7 февраля 1941 г. план производства стрелкового и артиллерийского вооружения на 1941 г. предполагал выпуск 4 тыс. зенитных орудий калибра 85 мм, 2600 артсистем калибра 122 мм, 2500 артсистем калибра 152 мм, 2060 минометов калибра 120 мм, 1,8 млн. винтовок... (8)

Если по количеству и качеству артиллерийского вооружения Красная Армия не уступала ни одной армии мира, то уровень механизации советской артиллерии был совершенно уникальным. По штатному расписанию апреля 1941 г. гаубичному артиллерийскому полку обычной стрелковой (не моторизованной!) дивизии **на 36 гаубиц полагалось 72 трактора** (гусеничных тягача), 90 грузовых, 9 специальных и 3 легковые автомашины. Два тягача на одну гаубицу – это двукратное резервирование средств мехтяги, а вовсе не свидетельство непомерного веса артсистем. 122-мм гаубица весила порядка 2,5 тонны, 152-мм гаубица – 4,2 тонны. Для буксировки дивизионных гаубиц предназначались обычные трактора производства Сталинградского и Челябинского заводов (СТЗ-3, С-60, С-65, в девичестве – «Катерпиллер»). Это именно то транспортное средство, которое в любой дождь и снег могло передвигаться по российским дорогам-направлениям. Высокая скорость буксировки орудий в стрелковой (т. е. пехотной) дивизии вовсе не обязательна – достаточно того, чтобы артиллерия просто не отставала от идущих пешком солдат. В любом случае наш противник о 72 гусеничных тягачах в артиллерийском полку даже и не мечтал. В единственном артиллерийском полку пехотной дивизии вермахта все артсистемы (включая 150-мм гаубицы) таскали шестеркой лошадей. Грузовых автомобилей в артиллерийском полку немецкой пехотной дивизии по штату было даже меньше, чем в гаубичном полку советской стрелковой дивизии (80 против 90). В целом на всю пехотную дивизию вермахта полагалось 615 грузовиков, что было все же больше, чем по штату советской стрелковой дивизии (529 грузовых и специальных). Единственное, в чем немецкая дивизия решительно превосходила стрелковую дивизию Красной Армии, так это в количестве легковых автомобилей (394 против 19). (11) Большая часть командного состава советской стрелковой дивизии должна была ходить пешком или ездить верхом (для этого в штате дивизии было предусмотрено 616 верховых лошадей). Спору нет, немецкий офицер перемещался в пространстве с несравненно большим комфортом. До тех пор, пока этим пространством были брусчатые мостовые старой доброй Европы. На тех направлениях, которые в России назывались «дорогами», кобыла обладала гораздо большей проходимостью...

Стрелковая дивизия Красной Армии не уступала пехотной дивизии вермахта и по такому важнейшему для армий середины XX века показателю, как **средства противотанковой обороны**. В составе пехотной дивизии вермахта был истребительно-противотанковый дивизион, на вооружении которого числилось 36 противотанковых 37-мм пушек. Кроме того, в каждом из трех пехотных полков дивизии была рота ПТО с 12 противотанковыми 37-мм пушками. С учетом еще трех таких пушек в разведбате дивизии общее количество орудий ПТО составляет 75 единиц. Аналогичная схема распределения средств ПТО была принята и в стрелковой дивизии Красной Армии: отдельный противотанковый дивизион, на вооружении которого было 18 противотанковых 45-мм пушек, и еще по 12 «сорокапятков» в каждом из трех стрелковых полков. Всего 54 противотанковые пушки. Кроме того – и в этом было существенное отличие структуры артиллерийского вооружения советской стрелковой дивизии – для борьбы с танками командир дивизии мог привлечь и 16 длинноствольных 76,2-мм орудий из состава артиллерийского полка. Новейшие (разработки 36—39-го гг.) дивизионные 76,2-мм пушки – конструкции Грабина Ф-22 и УСВ при приемлемом для орудия НТО весе (1620–1480 кг) по параметрам бронепробиваемости значительно превосходили немецкие 37-мм противотанко-

вые пушки Рак-36/37 и не уступали лучшей на лето 1941 г. немецкой 50-мм противотанковой пушке Рак-38. На дистанции до 1000 м Ф-22 пробивала лобовую (т. е. самую прочную) броню любого немецкого танка. К началу войны Красная Армия получила 4038 «дивизионок» Ф-22 и УСВ, что почти в четыре раза превосходило количество тех немецких танков (439 Pz-IV и 707 Pz-III серии Ни J), на которые стоило тратить 76-мм снаряд. Примечательно, что именно пушки Ф-22 оказались тем видом трофейного оружия, который вермахт поспешил взять себе на вооружение. Полтысячи Ф-22, захваченных летом 1941 г., после незначительной доработки (немцы растачивали зарядную камору под большую длину гильзы своего бронебойного выстрела) были установлены на шасси легкого танка чешского производства Pz-38(t). В результате получилась импровизированная самоходка, которая в 1942 г. (наряду с новой 50-мм противотанковой пушкой Рак-38) стала главным средством борьбы с советскими танками.

Мощная противотанковая пушка является важным, знаковым, но отнюдь не единственным компонентом системы противотанковой обороны. Ничуть не менее важным является быстроходное и вездеходное «средство доставки» орудия на огневую позицию. Проблема заключается в том, что расстояние в 1,5–2 км от рубежа развертывания до линии вражеских окопов танк неспешно проползает за 5 минут. Соответственно противотанковый дивизион, прибывший к месту прорыва с опозданием на полчаса, боевую задачу не выполнил и выполнить уже не сможет – танки противника скрылись за клубами дыма и пыли. Вопрос «быстроходности» в вермахте был решен отлично. Для транспортировки 37-мм орудий противотанкового дивизиона использовался трехосный грузовик фирмы «Крупп» Kfz 69. По шоссе эта достаточно легкая (2450 кг) для 110-сильного двигателя машина неслась со скоростью 70 км/час. Правда, без орудия. Ходовая часть 37-мм пушки не допускала транспортировки со скоростью более 30–35 км/час, так что высокая скорость Kfz 69 не могла быть использована на практике. Что же касается «вездеходности», то грузовик с двумя ведущими задними осями мог считаться «вездеходом» на автомагистралях Бельгии и Франции, но не на российском бездорожье.

В Советском Союзе пошли другим путем. Командование Красной Армии изначально решило, что средство транспортировки противотанковых орудий должно обладать проходимостью ничуть не меньшей, чем танк. Проще говоря – нужен полноценный гусеничный тягач. Такая машина – бронированный малогабаритный гусеничный тягач «Комсомолец» – была создана коллективом конструкторов под руководством Н. Астрова на базе узлов и агрегатов легкого плавающего танка Т-37 в конце 1936 г. Бронирование тягача защищало водителя от пуль винтовочного калибра и осколков снарядов. Машина могла буксировать орудия весом до 2 тонн (т. е. все имеющиеся и перспективные противотанковые и дивизионные пушки), преодолевала ров шириной 1,4 м, брод 0,6 м, стенку высотой 47 см, ломала своим бронированным носом молодые елочки диаметром до 18 см, без прицепа забиралась в гору с уклоном до 45 градусов, разворачивалась на площадке диаметром в 5 метров. В целом, при удельном давлении гусениц на грунт 0,58 кг/см. кв (0,9–1,0 у средних немецких танков), «Комсомолец» превосходил по проходимости всех своих противников. Скорость? Гораздо ниже, чем у крупновского грузовика: 47 км/час по шоссе без груза и прицепа, 8–11 км/час с полной нагрузкой по пересеченной местности. Вероятно, это и есть пример того, что называется «разумная достаточность». Жалобы на «исключительно низкую надежность» советской бронетехники стали просто общим местом в писаниях современных российских историков (причем с каждым годом этот «плач Ярославны» все усиливается). Публику усиленно уговаривают поверить в то, что все наши танки/тягачи/бронемашини рассыпались в первые же дни войны, и вот из-за этого... Позволим себе не поверить кликушам – «Комсомолец», разумеется, разваливался, но не сразу. В финской армии трофейные «Комсомолы» исправно трудились до 1961 (шестьдесят первого) года. Без новых заводских запчастей и замены моторов. Таких чудо-машин с 37-го по 41-й год включительно было выпущено 7780 единиц (всемирно знаменитая фирма «Крупп»

выпустила за тот же самый период 7 тыс. грузовиков Kfz 69), к началу войны в частях Красной Армии числилось **6700 тягачей** этого типа. (17)

Много ли это – 6700 бронированных тягачей для противотанковых орудий? Все познается в сравнении. Танков в 17 танковых дивизиях вермахта на Восточном фронте было в два раза меньше (3266). Противотанковых орудий во всей Красной Армии было в два раза больше (14,9 тыс.). По штатному расписанию апреля 1941 г. противотанковому дивизиону стрелковой дивизии полагалось иметь 21 «Комсомолец». Таким образом, имевшимся в войсках количеством тягачей **можно было укомплектовать 319 стрелковых и моторизованных дивизий** (в реальности разворачивалось, как было уже выше отмечено, 229 таких дивизий). Стоит также отметить и тот факт, что наряду с бронированными тягачами, «созданными на базе шасси плавающего танка», в стрелковых дивизиях Красной Армии были и сами эти плавающие танки Т-37/ Т-38/ Т-40. Такими боевыми машинами вооружался разведбат стрелковой и моторизованной дивизии – роскошь, ни одной другой армии мира недоступная. По штату дивизии полагалось 16 плавающих танков, фактически, по состоянию на 1 июня 1941 г., в военных округах числилось 3447 танков Т-37/ Т-38/ Т-40. (1. стр. 597) В среднем по 15 танков на одну дивизию. В среднем. На направлении главного удара, в Киевском и Одесском округах, обнаруживаются стрелковые дивизии, в которых было по 20–27 плавающих танков (30-я, 51-я, 58-я, 97-я, 99-я, 130-я, 140-я, 156-я, 169-я). (76) Плавали эти танки, конечно же, плохо – хуже прогулочного катера, – но преодолеть лесную речку без брода и моста или отбуксировать легкую противотанковую пушку на огневую позицию вполне могли.

Наивысшей возможной подвижностью обладали воздушно-десантные войска Красной Армии (пять воздушно-десантных корпусов по три бригады в каждом и одна отдельная бригада ВДВ). Сразу же отметим, что НИ ОДНОГО немецкого воздушно-десантного соединения на Восточном фронте в 1941 году не было. ВСЕ бесчисленные упоминания о «парашютных десантах противника», встречающиеся не только на страницах мемуарной литературы, но и в боевых донесениях лета 41-го года, являются вымыслом. Что же касается советских ВДК, то «корпусами» они были названы с большим преувеличением. Численность личного состава ВДК составляла всего 8020 человек, т. е. этот корпус был значительно меньше стрелковой дивизии. Коммунистические историки про разворачивание в «неизменно миролюбивом» Советском Союзе воздушно-десантных войск, численность которых превышала число всадников в войске хана Батыея, старались не вспоминать. В последние же годы, с легкой руки В. Суворова, стали традиционными сетования на то, что великолепно подготовленных и мужественных диверсантов с одним десантным ножом в руках «бросили под немецкие танки...». И хотя доля истины в этом утверждении есть, подробное знакомство со штатным расписанием советского ВДК заставляет усомниться в том, что в обычном общевойсковом бою корпус был столь уж беззащитен. Кроме парашютов и ножей, на вооружении ВДК полагалось иметь: 4500 самозарядных винтовок, 1257 автоматов, 440 ручных пулеметов (больше, чем в стрелковой дивизии), 60 минометов, 864 ранцевых огнемета (!), 18 полковых 76,2-мм пушек, 50 плавающих танков Т-38/Т-40, 241 автомашину. По сути дела, под названием «воздушно-десантный корпус» создавались высококомобильные, прекрасно вооруженные стрелковые бригады, с возможностью парашютного или посадочного десантирования части личного состава и вооружения в тыл врага.

Еще одним, намертво вбитым в массовое сознание мифом является СВЯЗЬ, точнее говоря – ее отсутствие, каковое отсутствие связи и послужило причиной всех бед. Почему именно этот миф оказался едва ли не самым живучим из всех созданий советских историков-пропагандистов? Вероятно, потому, что он является почти правдой. **Связи действительно не было.** В первые часы, дни и недели войны всякий обмен информацией между

штабами и частями всех уровней был практически полностью парализован. Вышестоящее командование, как правило, не имело никакой информации о положении, действиях, потерях своих подчиненных. Части и соединения собственной армии искали с помощью разведывательной авиации – невероятно, но факт. Противник «внезапно» обнаруживался за десятки (а в первые дни войны – и за сотни) километров от линии фронта, которую – судя по запоздалым донесениям – якобы еще удерживали наши войска (именно эти события и породили бесчисленные слухи о «немецких авиационных десантах»). Все это сущая правда. Далее советские «историки» с ловкостью, которой позавидовали бы матерые карточные шулера, передергивали эту правду, подменяя **факт отсутствия связи** между командными инстанциями **заведомо ложным тезисом об «отсутствии технических средств связи»**. Что совсем не одно и то же.

Для установления связи нужны:

- субъект, с которым хотят войти в связь;
- желание субъекта войти в связь;
- и только если первые два условия наличествуют, то возникает нужда в технических средствах связи (например, в барабанах, тамтамах, охотничьих рожках, сигнальных ракетах и пр.).

Поясним эту нехитрую теорию простым бытовым примером. Если у вас нет ребенка, то вам до него и не удастся дозвониться. Если ребенок уже есть, но он ушел на день рождения к другу и не хочет вовремя возвращаться домой, то даже два сотовых телефона (плюс домашний телефон в квартире друга) вам не помогут. Телефон будет все время «занят», в сотовом «сядет батарейка», нажмется «не та клавиша»... Наполеон, Суворов и Кутузов командовали огромными армиями с многочисленной артиллерией вообще без единого телефона. В Первую мировую войну связь в многомиллионных армиях, вооруженных уже танками и аэропланами, успешно строилась на использовании проводных телефонов, в то время как радиостанции были редкой экзотикой. Наконец, превосходным «техническим средством связи» был и остается посыльный на верховой лошади, мотоцикле, автомобиле, лодке, танке, легком самолете, вертолете...

«...22 июня в 6 час. 50 мин. я переправился на штурмовой лодке через Буг... двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Лесна... в течение всей первой половины дня 22 июня я сопровождал 18-ю тд... 23 июня в 4 час. 10 мин. я оставил свой командный пункт и направился в 12-й армейский корпус, из этого корпуса я поехал в 47-й танковый корпус, в деревню Бильдейки в 23 км восточнее Брест-Литовска. Затем я направился в 17-ю танковую дивизию, в которую и прибыл в 8 часов... Потом я поехал в Пружаны, куда был перебросен командный пункт танковой группы... 24 июня в 8 час. 25 мин. я оставил свой командный пункт и поехал по направлению к Слониму. По дороге я наткнулся на русскую пехоту, державшую под огнем шоссе... я вынужден был вмешаться и огнем пулемета из командирского танка заставил противника покинуть свои позиции... в 11 час. 30 мин. я прибыл на командный пункт 17-й танковой дивизии, расположенный на западной окраине Слонима, где кроме командира дивизии я встретил командира 47-го корпуса...» (16)

Вот так, очень доходчиво, Г. Гудериан объясняет, почему Красная Армия на собственной территории оказалась «без связи», а немецкая армия на нашей территории – со связью. Просто командиру 17-й танковой дивизии вермахта никуда не надо было звонить. Его непосредственный начальник – командир 47-го танкового корпуса – вместе с ним на одном командном пункте лично руководит боем, а самый среди них главный начальник – командующий танковой группой генерал Гудериан – по несколько раз задень, под огнем противника прорывается в каждую из своих дивизий.

И наоборот – даже поголовное оснащение штабов Красной Армии терминалами спутниковой связи ровным счетом ничего не изменило бы в ситуации, когда командиры уже разбе-

жались или когда они (командиры) не желают общаться с вышестоящими командирами просто потому, что ничего хорошего доложить им не могут. И не 22 июня 1941 года «внезапно» обрушилась на Красную Армию эта напасть. *«Выехав к месту событий, т. Блюхер всячески уклонялся от прямой связи с Москвой... трое суток при наличии нормально работающей телеграфной связи нельзя было добиться разговора с т. Блюхером».* Это выдержка из приказа наркома обороны Ворошилова № 0040 от 4 сентября 1938 года, и приказ этот был посвящен локальному вооруженному конфликту у озера Хасан. С началом Большой Войны ситуация стала неизмеримо хуже, и никакие провода, никакие радиостанции на бронепоезде не могли уже наладить связь в армии, в которой командиры и штабы пропадали сотнями и тысячами.

А провода были. В огромных количествах. Так, в одном только Западном ОВО (согласно докладной записке начальника штаба округа генерал-майора Климовских от 19 июня 1941 г.) в распоряжении службы связи округа было 117 тыс. изоляторов, 78 тыс. крюков и 261 тонна проводов. (66, стр. 44) Всего же в Красной Армии по состоянию на 1 января 1941 г. числилось 343 241 км телефонного и 28 147 км телеграфного кабеля. Этим количеством можно было обмотать Землю по экватору 9 раз. Телефонных аппаратов всех типов числилось 252 376 штук. В среднем – **более 800 аппаратов на одну дивизию**. Телеграфных аппаратов было, разумеется, значительно меньше – «всего» 11 049 штук, в том числе 247 аппаратов «БОДО» для шифрованной связи. (4, стр. 623). Но, по общему мнению советских историков, все это совершенно «не то». Красная Армия воевать без радиостанций никак не могла. И все знают почему – немецкие диверсанты в первые же часы войны все провода перерезали. И вот поэтому... Диверсанты и вправду были. Каждой из четырех танковых групп вермахта было придано по одной роте диверсантов из состава полка особого назначения «Бранденбург». В составе роты было 2 офицера, 220 унтер-офицеров и рядовых, в том числе 20–30 человек со знанием русского языка. (46, стр. 55) В распоряжении этого несметного полчища врагов было всего несколько часов (из соображений секретности немцы начали резать провода только перед самым рассветом 22 июня 1941 г.). Советских партизан в Белоруссии перед началом операции «Багратион» (июнь 1944 г.) было, как принято считать, более 200 тысяч. Время для перерезания проводов было практически неограниченным – война шла уже третий год, так что скрывать враждебные действия и намерения было уже незачем. Удалось ли тогда, в июне 44-го, на той же самой местности перерезать «все провода» и оставить немецкую армию без связи?

Радиостанции в Красной Армии тоже были (поэтому оставить эту армию «без связи» при помощи одних только ножиц было невозможно в принципе). В качестве иллюстрации к вопросу о реальной оснащенности Красной Армии средствами радиосвязи приведем данные из мобилизационного плана МП-41 (в дальнейшем мы будем еще многократно возвращаться к этому важнейшему документу), подписанного Тимошенко и Жуковым 12 февраля 1941 г. По состоянию на 1 января 1941 г. в Вооруженных силах СССР числилось: (6, стр. 622–623)

– фронтовых радиостанций (РАТ) – 40 штук (в среднем по **8 на каждый из пяти будущих фронтов**);

– армейских и корпусных (РАФ, РСБ) – 1613 штук (в среднем по **18 на каждый стрелковый и мехкорпус**);

– полковых (5АК) – 5909 штук (в среднем по **4 на каждый полк**).

Итого – 7566 радиостанций всех типов. Разумеется, в это число не вошли танковые и самолетные радиостанции. И это – на первое января 1941 г. Заводы продолжали свой «мирный созидательный труд», и к 22 июня средств радиосвязи должно было стать еще больше. Так, план 41-го предусматривал выпуск 33 РАТ, 940 РСБ и РАФ, 1000 5АК. В записке по мобилизационному плану МП-41 почему-то отсутствуют данные по наличию предшественницы РАФа – мощной (500 Вт) радиостанции 11-АК, хотя этих комплексов в войсках было очень много. Так, в Киевском ОВО (58 дивизий) по состоянию на 10 мая 1941 г. числилось 5 комплексов

РАТ, 6 РАФ, 97 РСБ, 126 станций 11-АКи 1012 полковых 5АК.(6. стр. 191) Даже не считая полковые 5АК, получается в среднем по **4 мощных радиостанции на одну дивизию**.

Теперь стоит пояснить – что обозначают все эти большие буквы. Самая маломощная из упомянутых радиостанций (5АК) имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км – при телеграфной связи. Т. е., хотя она и считалась в Красной Армии «полковой радиостанцией», ее реальный радиус действия в несколько раз превышал уставную ширину фронта обороны дивизии! 5АК имела размеры большого сундука и могла перевозиться как в кузове автомобиля, так и в конных двуколках. Радиостанция РСБ стандартно устанавливалась на шасси автомобиля, имела излучаемую мощность до 50 Вт и обеспечивала дальность телефонной связи в 300 км, т. е. фактически в полосе действий армии или даже фронта. РАФ – это значительно более мощный (400–500 Вт) комплекс аппаратуры, установленной на двух грузовиках ЗИС-5. Подлинным чудом техники 40-х годов мог считаться комплекс РАТ. Огромная мощность (1,2 кВт) позволяла обеспечить связь телефоном на расстоянии в 600 км, а телеграфом – до 2000 км. Схема передатчика предоставляла возможность работы на 381 фиксированном канале связи с автоподстройкой частоты. Для перевозки всего оборудования РАТ вместе с системой автономного энергообеспечения использовалось три автомобиля ЗИС-5, расчет станции составлял 17 человек. Примечательно, что по мобилизационному плану МП-41 Красной Армии полагалось иметь 117 (!!!) фронтовых комплексов РАТ. Фактически же Красная Армия дошла до Берлина, никогда не имея на вооружении более полусотни РАТ одновременно...

Кроме вышеперечисленных мощных автомобильных радиоустановок, на вооружении Красной Армии были десятки тысяч переносных радиостанций батальонного и даже ротного звена (РБ, РБК, РБС, РБМ) мощностью в 1–3 Вт и радиусом действия в 10–15 км. Таких радиостанций по состоянию на 1 января 1941 г. числилось **35 617 единиц**.

Более **100 радиостанций тактического звена на одну дивизию**. Разумеется, этого очень-очень мало. В большой статье с красноречивым названием «Истоки поражения в Белоруссии» автор с горестным вздыханием сообщает читателям, что войска Западного ОВО были обеспечены *«полковыми радиостанциями – на 41 %, батальонными – на 58 %, ротными – на 70 %»* (56) И он совершенно прав – штатной укомплектованности не было. По штатному расписанию стрелковой дивизии Красной Армии образца апреля 1941 г. в одном гаубичном артполку должно было быть 37 радиостанций (на 36 гаубиц), в артиллерийском полку – 25 радиостанций (на 24 орудия), 3 радиостанции в стрелковом полку и по 5 радиостанций в каждом из трех батальонов полка.

Вопреки размноженным в многомиллионных тиражах слухам, рация стояла и на бронепоезде, и на танках.

Еще в 1933 году была запущена в серийное производство специальная танковая радиостанция 71-ТК-1. Эта коротковолновая приемо-передающая симплексная радиостанция обеспечивала дальность связи телефоном на ходу до 15 км, телефоном на стоянках – до 30 км, в телеграфном режиме – до 50 км. Этими радиостанциями оснащались и бронемашины БА-10/20. Как минимум рация стояла на танке командира взвода (т. е. на каждом третьем танке). Фактически к началу войны 35–40 % танков были оборудованы приемо-передающими радиостанциями. Например, в далеко не самой лучшей по укомплектованности (163 танка, т. е. половина от штатной численности, причем ни одного танка Т-34 или КВ) 19-й танковой дивизии к 10 июня 1941 г. числилось:

- 2 мощные радиостанции РСБ;
- 4 полковые радиостанции 5-АК;
- 16 батальонных РБ;
- 85 танковых У1 – ТК-1.

Вот такая она была – Красная Армия образца июня 1941 года. Стоит ли удивляться тому, что ни Жуков, ни Тимошенко, ни Шапошников, ни Мерецков, ни весь «руководящий состав Генерального штаба» не ожидали «сокрушительных рассекающих ударов противника»? Они настойчиво и целеустремленно готовились нанести их сами. На 25 июня 1941 г. было назначено очередное заседание Главного Военного совета РККА, на котором наконец-то должен был быть утвержден самый окончательный вариант Полевого устава ПУ-39. Задачи, поставленные перед Красной Армией, были сформулированы в этом документе с предельной ясностью:

«...Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Основной целью Красной Армии будет достижение решительной победы и полное сокрушение врага...

...Весь личный состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии должен быть воспитан в духе непримиримой ненависти к врагу и непреклонной воли к его уничтожению. Пока враг не сложил оружия и не сдался, он будет беспощадно уничтожаться...

...Всякий бой – наступательный и оборонительный – имеет целью нанесение поражения врагу. Но только решительное наступление на главном направлении, завершаемое окружением и неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению сил и средств врага. Наступательный бой есть основной вид действий РККА...

...В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью...

... Наступление является основным видом боя, обеспечивающим уничтожение противника и достижение полной победы... Наступление является выражением превосходства над противником».

Глава 3 «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Просто заявить о том, что *«Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»*, мало. Надо было создать соответствующие этой задаче инструменты. Главной ударной силой сухопутных армий середины XX века были танковые войска. Ни одна страна в мире не приложила такие огромные усилия – ине достигла таких огромных успехов – в деле создания этой ударной составляющей вооруженных сил, как Советский Союз. Ни одна страна в Европе не имела таких преград и трудностей в деле создания бронетанковых войск, какие имела Германия, которой – повторим это еще раз – по условиям Версальского мирного договора было вовсе запрещено производить танки или закупать их за рубежом. В результате, в то время (начало 30-х годов) когда в Советском Союзе началось серийное производство танков и были созданы первые в мире крупные бронетанковые соединения, немецкий рейхсвер проводил полевые учения с картонными макетами несуществующих танков. После прихода Гитлера к власти и отказа (сначала фактического, а потом – и формального) Германии от выполнения ограничений Версальского договора началось проектирование первых немецких учебно-боевых бронированных машин. Вот как описывает историю их разработки главный идеолог и создатель танковых войск Германии Г. Гудериан:

«...Мы считали необходимым создать пока такие танки, которые могли бы быть использованы для учебных целей...»

Такие танки, получившие обозначение Pz-I, могли быть изготовлены к 1934 году и использованы в качестве учебных машин до того времени, пока не будут готовы боевые танки...

Никто, конечно, не думал в 1932 г. что с этими небольшими учебными танками нам придется вступить в бой...» Впрочем, были у Pz-I и вполне ощутимые достоинства. Все тот же Гудериан пишет в своих мемуарах: *«Школьники, которые прежде протыкали наши макеты своими карандашами, чтобы заглянуть внутрь, были поражены новыми бронемашинами...»*(16) Пока любознательные (и, к счастью, не знающие, что их ждет в недалеком будущем) немецкие мальчишки ковыряли пятнистые картонные коробки бутафорских «танков», число настоящих танков, состоящих на вооружении Красной Армии, достигло 3460 единиц. Если же к числу настоящих (т. е. имеющих пушечное или огнеметное вооружение) танков добавить еще и легкие пулеметные танкетки (типа немецкой Pz-I), то советский танковый парк составит 7574 машины. Так мало их было 1 января 1934 г. Три года спустя, 1 января 1937 г., «мирный созидательный труд советского народа» увеличил количество танков в Красной Армии еще на 10 тыс. единиц, до 17280. (1. стр. 601) Огромное (не идущее ни в какое сравнение с численностью танков во всех странах мира, вместе взятых) количество бронетанковой техники позволило перейти к созданию танковых (механизированных) частей и соединений. В 1930 году была сформирована 1-я отдельная мехбригада. В 1932 году эту мехбригаду развернули в мехкорпус. На 1 января 1933 г. Красная Армия имела в своем составе 2 механизированных корпуса, 5 механизированных бригад, 14 отдельных танковых и механизированных полков, 15 отдельных танковых батальонов, 69 механизированных и танкетных дивизионов. (38) Отдельные батальоны и дивизионы были, разумеется, лишь первыми, робкими шагами на пути создания танковых войск. Генеральная линия шла по пути создания крупных, оперативно-самостоятельных соединений. Уже в 1932 году было принято Наставление «Вождение в бой самостоятельных механизированных соединений», а к концу 1935 года в РККА было уже 4 мехкорпуса и 18 танковых бригад. В следующем, 1936 году число танковых бригад выросло до тридцати. (1. стр. 604)

А в это время... Продолжим чтение мемуаров Гудериана: *«Ввиду того, что производство основных типов танков затянулось на большее время, чем мы предполагали, генерал*

Лутц принял решение построить еще один промежуточный тип танка, вооруженного 20-мм автоматической пушкой и одним пулеметом». 20-мм «пушка» по своим баллистическим характеристикам несколько уступала параметрам советского противотанкового 14,5-мм ружья Дегтярева (при этом, безусловно, превосходя его в скорострельности). Так что самым точным названием для нового немецкого «танка» Pz-II было бы «самоходное противотанковое ружье с пулеметом». Для выполнения основных задач танка – уничтожения огневых средств, укреплений и живой силы противника – снарядик весом в 120–145 г, несущий (в разных вариантах) от 4 до 9 г взрывчатого вещества, был ничтожно слаб. Перед войной в СССР пушки такого калибра устанавливались только на самолетах-истребителях, но отнюдь не на бронетехнике. Причем испытания и боевое применение 20-мм авиапушек показали, что «поражение живой силы на открытой местности» возможно лишь при прямом попадании в человека, осколочное же действие 20-мм «снаряда» было совершенно ничтожным. И вот таких-то «новейших танков» Pz-II промышленность Германии с конца 1935 по март 1937 г. выпустила (страшно сказать) 110 единиц.

Первая встреча будущих противников произошла на полях боев Гражданской войны в Испании. Германия поставила франкистам 6-тонные пулеметные танкетки Pz-I, фашистская Италия прислала лучшее, что у нее было: 3,5-тонный танк «Фиат-Ансальдо» CV-3, вооруженный пулеметом на турели в неподвижной (!) башне. Советское правительство поставило республиканцам 10-тонные танки Т-26 и 13-тонные БТ-5, вооруженные 45-мм пушкой. Бронебойный снаряд советской танковой пушки 20К пробивал броню легких танкеток противника на дистанции 1 км (мог бы и с большей дистанции, но попасть в танк с такого расстояния уже практически невозможно), а на пехоту мятежников обрушивался полноценный осколочно-фугасный снаряд весом в 2,13 кг, создающий зону поражения размером 15х6 метров. Встреча произвела сильное впечатление и на непосредственных участников боев, и на иностранных военных специалистов.

«...Республиканские танки с пушечным вооружением, имея против себя малые (пулеметные) танки противника, во всех случаях с успехом опрокидывали его танковую атаку... Легкие танки мятежников, вооруженные одним пулеметом, были бессильны в борьбе с пушечными танками республиканцев... Танки мятежников, боясь контратак республиканских танков с пушечным вооружением, жались к наступающей пехоте... Республиканские танки действовали всегда дерзко и решительно, нанося пехоте противника большие потери, используя для этой цели огонь и вес танка. Они давили огневые точки, орудия НТО и даже дивизионную артиллерию...» (34)

«...Германский танк, являющийся основой вооружения новых бронетанковых дивизий в Германии, оказался весьма посредственным и почти неприменимым оружием... Германский легкий танк (как мы уже говорили и как это подтверждают все специалисты – как германские, так и итальянские) показал полную свою несостоятельность. Возможно, что иногда, при особо благоприятных условиях, он может быть использован для чисто разведывательных целей, но для боя в собственном смысле, даже для сопровождения пехоты, этот танк неприемлем... Во взаимной борьбе танки правительственных войск превосходят танки мятежников...»(35)

Будущий генерал армии Д. Павлов (одним из первых советских танкистов прибывший в 1936 г. в Мадрид) выразил свою оценку опыта боев в Испании «выпукло и категорически», как того и требовал Полевой устав Красной Армии: *«Опыт войны в Испании научил немцев и показал им, какие нужны танки, ибо легкие немецкие танки в борьбе с республиканскими пушечными танками не входили ни в какое сравнение и расстреливались беспощадно...»(14)*

Павлов был прав. Война в Испании «научила немцев», и они наконец-то поняли – «какие нужны танки». Были сконструированы и запущены в производство две модели полноценного боевого танка: Pz-III, вооруженный 37-мм пушкой, и Pz-IV с короткоствольной (немцы назы-

вали ее «окурком») 75-мм пушкой. Вот только «история» отпустила Гитлеру мало времени: до конца 38-го г. немецкая промышленность успела выпустить 71 (семьдесят один) Pz-III и 115 (сто пятнадцать) Pz-IV. В следующем году производство танков было продолжено в том же темпе «в день по чайной ложке». К 1 сентября 1939 г. в составе вермахта числилось 98 Pz-III, 211 Pz-IV и 280 трофейных легких чешских танков Pz-35(t)/Pz-38(t), вооруженных 37-мм пушкой. Из этого числа непосредственно в боевых частях находилось 87 Pz-III, 198 Pz-IV и 167 чешских танков. Итого: 452 танка, округленно – полтысячи.

1 января 1939 г. (за 9 месяцев до начала мировой войны) в Красной Армии числилось 11 765 танков, вооруженных 45-мм пушкой или огнеметом (Т-26, БТ-5, БТ-7), и более 412 танков, вооруженных 76-мм пушкой (многобашенные Т-28 и Т-35). Более, т. к. среди 3351 танка БТ-7 было и некоторое количество (скорее всего, почти все) от 154 выпущенных БТ-7А с короткоствольной 76-мм пушкой. Итого: 12 тыс. танков с настоящим артиллерийским вооружением. (1, стр. 601) К 1 сентября 1939 г. их стало еще больше. Проанализировав эту информацию, советские историки пришли к единственно возможному (для них) выводу:

«...Положение советского правительства можно было уподобить положению человека, которого все выше и выше захлестывает морской прилив: вот вода дошла ему до колен, вот она дошла до пояса, до груди, потом до шеи... Еще мгновение – и вода скроет голову, если человек не сделает какого-либо быстрого, решительного скачка, который вынесет его на скалу, недоступную для прибоя...» (36)

Вода (или иная жидкость) «скрыла голову» советских историков-пропагандистов, и они без малого полвека талдычили про то, что Сталин с Молотовым были страсть как напуганы полутысячей немецких танков, что они дрожали в ужасе от мысли о том, что эти танки, пройдя всю Польшу (а она тогда была раза в два шире нынешней), бросятся в октябре 1939 г., под осенними дождями, напрямик через болота Белоруссии на Смоленск и Москву. И что только отчаянное желание «отпрыгнуть» от неумолимой опасности заставило их броситься в «коварные объятия» вероломного Риббентропа... Не будем, однако, тратить время на обсуждение диких бредней коммунистической пропаганды. Заслуживает обсуждения вопрос о том, какие выводы из опыта войны в Испании сделало военно-политическое руководство СССР.

Начитанный читатель, вероятно, в курсе того, что «на основании неверной оценки опыта применения танков в Испании было принято ошибочное решение о расформировании крупных танковых соединений». В этой ходячей легенде, что ни слово – то ошибка. Дебют советских танков и танкистов в Испании был более чем успешным. Никакой излишней «озабоченности» он в Москве не вызвал. Расформировано было 4 механизированных (танковых) корпуса, танковые же бригады остались. Легкотанковая бригада (лгб) по штату 1938 г. включала в себя 4 танковых батальона (54 линейных танка Т-26 или БТ и 6 «артиллерийских танков», вооруженных 76-мм пушкой, в каждом), мотострелковый батальон, разведбат и другие подразделения. Всего 4356 человек личного состава, 258 танков. (7, стр. 276) Едва ли это можно назвать «мелким танковым соединением». Выводы же из практического опыта войны в Испании были сделаны совершенно правильные и взвешенные, а именно: «Не надо бежать впереди паровоза». Не надо ставить перед танковыми войсками такие оперативные задачи, выполнение которых **при имеющейся в наличии матчасти** пока еще невозможно. Для того чтобы перевести эту «невозможность» на язык конкретных цифр, рассмотрим два взаимосвязанных параметра: бронепробиваемость наиболее массовых типов противотанковых орудий и бронирование танков СССР и Германии.

	Вес снаряда, кг	Нач. скорость, м/сек	Бронепро- биваемость на 100 м	Бронепро- биваемость на 500 м
Немецкая 37-мм пушка	0,68	760	40 мм / 34 мм	35 мм / 28 мм
Советская 45-мм пушка	1,43	760	51 мм / 43 мм	45 мм / 38 мм

Примечание: первая цифра относится к стрельбе под углом 90 град, к броне, вторая – к встрече снаряда с броней под углом 60 град.

Броня, мм	Т-26	БТ-7	Pz-38(t)	Pz-III	Pz-IV
лоб	15	22	25	30	30
борт	10	10	15	30	30

Примечание: указана толщина брони самых массовых в 39–40 гг. моделей танков Pz-III D,E,F и Pz-IVD,E.

Как видно из приведенных таблиц, **броня любых немецких и советских танков 39–40 гг. не защищала от огня противотанковой артиллерии**. Все эти танки имели фактически только противопульное бронирование. Разница между советскими и немецкими машинами состояла лишь в том, что противопульное бронирование советских танков Т-26 и БТ было рациональным, соответствующим критерию «разумной достаточности». Для защиты от стрелкового огня брони в 10–15 мм было вполне достаточно (к слову сказать, бронеспинки сиденья летчика-истребителя делались из листа толщиной в 7–8 мм, и этого вполне хватало для защиты от пуль скорострельных авиационных пулеметов ружейного калибра). Немецкие же танки были бесцельно перегружены 30-мм броней, которая для защиты от огня винтовок и пулеметов была избыточна, а для защиты от 45-мм снарядов советских противотанковых и танковых пушек – совершенно недостаточна. При таком соотношении «щита и меча» глубокий танковый рейд в тыл противника мог завершиться полным истреблением «табуна» легких танков, оторвавшихся от своей пехоты и артиллерии.

«...Танки, артиллерия, авиация остаются пока вспомогательными родами войск, работающими на пехоту, сведенную в крупные общевойсковые соединения... Танки отнюдь не заменяют артиллерию, наоборот, наступление танков на организованную оборону без мощной артиллерийской поддержки (подчеркнуто мной. – М.С.) сопряжено с большими потерями... Выбрасывание самостоятельных танковых групп в глубину оборонительной полосы в начале пехотной атаки вряд ли будет целесообразным, так как эти группы, действуя против нерасстроенной системы ПТО, будут нести громадные потери...»(34)

Надо ли понимать все вышесказанное так, что легкий танк с противопульным бронированием превратился в начале 40-х годов в легкую добычу для противотанковой артиллерии, в почти бесполезную, но дорогостоящую игрушку? Это абсурдное предположение под бойким пером советских «историков» превратилось в непреложную истину. Правда, только в единственном случае – применительно к советским Т-26 и БТ («безнадежно устаревшие... «картонные», горели, как свечи... по воробьям из них стрелять...»). Странно, но про танки противника такого никто никогда не писал, и ничего удивительного в том, что легкие немецкие танки с противопульным бронированием и маломощным вооружением дошли до Москвы, Тихвина и Ростова, никто не видел. А в этом и на самом деле нет ничего удивительного. Танк – это всего лишь инструмент, и результат его использования зависит прежде всего от тактики применения, а еще точнее – от соответствия этой тактики свойствам (техническим характеристикам) вооружения.

Что это значит практически? «Безнадежное» для танка соотношение между броней и бронепробиваемостью артиллерийского снаряда является таковым лишь в ситуации, когда на гладком, как стол, поле стоит одинокий танк и ждет, когда в него попадет снаряд. Примерно так и происходит обстрел мишени на артиллерийском полигоне, на основании которого появляются те таблицы бронепробиваемости, данные из которых были приведены выше. В реальном бою все несколько иначе. Во-первых, танк движется. Даже медленно ползущий по раскисшему от дождя полю Т-26 преодолеет последние 600 м (попасть в движущийся танк с большого расстояния практически невозможно) до огневых позиций противотанковой пушки за 3 минуты. Быстроходный БТ, двигаясь по выжженной солнцем украинской степи, сократит это время в

2–3 раза. Теоретически расчет противотанкового орудия может произвести 10–15 выстрелов в минуту. Но это если не целиться, а просто «лупить в белый свет». Реально и с учетом того, что отдача после выстрела сбивает прицел, в распоряжении артиллеристов не более 5–10 выстрелов. Но танк ведь не просто ползет по полю, он ползет и стреляет. Шансы сторон в «дуэли» танка и противотанковой пушки отнюдь не одинаковые. Бронебойный снаряд, просвистевший в одном сантиметре от башни танка, не принесет ему никакого вреда, в то время как осколочный снаряд (даже если это снаряд малокалиберной 45-мм советской танковой пушки 20К), взорвавшийся на расстоянии нескольких метров от огневой позиции, неизбежно заставит орудие замолчать (45-мм снаряд давал 100 убойных осколков, от которых расчет противотанковой пушки ничем, кроме гимнастерки, не был защищен). Поэтому 5–10 выстрелов, о которых мы сказали выше, в реальном бою являются для расчета противотанковой пушки недостижимой мечтой – после первых же выстрелов экипаж (хорошо подготовленный и обученный экипаж) танка обнаружит стреляющее орудие и парой осколочных снарядов смахнет пушку с лица земли.

Из этих простых соображений следует, что самым простым и самым эффективным способом прорыва противотанковой обороны является все тот же, базовый для всего военного дела, принцип концентрации. Танковая бригада (258 легких танков Т-26 или БТ), развернувшись в боевой порядок на фронте в 2–3 км, гарантированно проламывает оборону пехотного полка вермахта, в составе которого всего одна рота ПТО с 12 противотанковыми 37-мм пушками. Даже если командование пехотной дивизии успеет в кратчайший срок перебросить в район прорыва истребительно-противотанковый дивизион (36 противотанковых 37-мм пушек), остановить атаку двух сотен танков он не сможет. Потери некоторого числа танков при этом неизбежны, но и прорыв обороны неизбежен. Это «некоторое число» может быть сведено к минимуму (если даже не к нулю) за счет артиллерийской поддержки танковой атаки.

Массированный огонь артиллерии – как ни парадоксально такое звучит – выполняет роль «дополнительной брони», позволяющей легким танкам с противопульным бронированием выжить на поле боя. Слово «массированный» появилось в предыдущей фразе не для красоты слога. Гаубица стреляет неприцельным навесным огнем, и надо много-много раз выстрелить, прежде чем один из снарядов взорвется рядом с огневой позицией вражеской противотанковой пушки. Сколько это «много»? По советским предвоенным нормативам – от 70 до 90 снарядов 122-мм гаубицы. Однако в танковом полку (или в танковой бригаде) нет никаких гаубиц, но они есть в составе гаубичного полка стрелковой дивизии. Другими словами, необходимо **взаимодействие**. Очень простое слово, с очень понятным смыслом, от которого в бою зависит почти все. Полевой устав ПУ-39 категорично требовал: *«Никакие действия войск на поле боя невозможны без поддержки артиллерии и недопустимы без нее... Атака танками переднего края должна быть во всех случаях обеспечена артиллерийской поддержкой и не допускается без нее...»* Взаимодействовать предстояло со стрелковой дивизией, в гаубичном полку которой (по штату апреля 1941 г.) было 36 гаубиц. Необходимую для гарантированного уничтожения немецкой роты ПТО (12 пушек) тысячу снарядов гаубичный полк «выбросит» за 15–20 минут. Правда, для этого надо знать главное: куда стрелять? На какой именно квадрат топографической карты надо высыпать эту тысячу снарядов? Следовательно, нужна разведка (в том числе самая точная из всех видов разведки – разведка боем), нужна устойчивая связь, корректировка артогня и еще много всякого, что превращает пушки, танки, пулеметы в единый военный механизм. Самой же главной «деталью» этого «механизма» был, есть и будет командир. Обученный, опытный, смелый командир. При наличии такого командира и при отлаженном взаимодействии с артиллерией танковое соединение, вооруженное всего лишь легкими танками с противопульным бронированием, пробивает оборону пехотной дивизии с железной неотвратимостью.

Как бы хорошо ни был отлажен описанный выше механизм взаимодействия, он неизбежно развалится через пару часов после того, как танки прорвут первую полосу обороны противника и уйдут в тактическую глубину. Артиллерия и пехота обычной стрелковой дивизии не могут двигаться со скоростью танка, а лишенные поддержки танки могут рассчитывать в глубине боевых порядков противника только на одного помощника – панику. В этом смысле танковый рейд развивается по тем же самым законам, которые в войнах предыдущего столетия определяли успех или неуспех кавалерийского рейда. Если обороняющихся охватывала паника, если командиры оказывались не в состоянии с этой паникой справиться, то начиналась рубка бегущих – самый истребительный способ действия конницы. Если же командиры в эти решающие минуты боя удерживали в своих руках управление и подчиненных, то практически беззащитная конная лава беспощадно истреблялась артиллерией и пулеметами обороняющихся. По сути дела, то же самое, но с поправкой на другие технические средства борьбы происходит и с группой легких танков, оторвавшихся от своей пехоты и артиллерии.

Эта очень бесхитростная теория была подтверждена практикой войны в Испании. Анализируя опыт этой войны, советские военные специалисты сделали совершенно верные выводы: отказались от имевшихся ранее «танкозакидательских» настроений, а возможность нанесения самостоятельными танковыми соединениями «сокрушительных рассекающих ударов» отнесли в будущее. Близкое, но еще не сегодняшнее. И вместо рисования стрелочек на картах и квадратов организационных структур занялись работой по материально-технической подготовке к этому будущему. *«Делая выводы из опыта войны в Испании, необходимо учитывать все специфические ее условия... Если в Испании были лишь зачатки глубокой наступательной операции, то в большой войне, в связи с громадным насыщением современных армий техническими средствами борьбы, будут, как правило, вестись **глубокие сокрушающие операции на окружение и уничтожение противника...**»*(34)

Какие изменения в технической оснащенности механизированных (танковых) соединений требовались для того, чтобы они смогли вести «глубокие сокрушающие операции» в оперативном тылу противника, в отрыве от основной (пехотной) массы своих войск? Подробный ответ на такой вопрос потребует написания отдельной военно-научной монографии. В предельно сжатом и неизбежно конспективном, упрощенном виде можно сформулировать следующий перечень необходимых технических усовершенствований:

- усилить бронирование танков до уровня, обеспечивающего защиту от огня противотанковой артиллерии наиболее распространенных калибров, причем с любых направлений (лоб, борт, корма);
- усилить собственное артиллерийское вооружение танка до уровня, позволяющего вести артиллерийскую дуэль с противотанковой и полковой артиллерией противника;
- оснастить гаубичную артиллерию механизированных (танковых) соединений средствами мехтяги, обладающими скоростью и проходимостью, сопоставимой со скоростью и проходимостью танков;
- посадить пехоту механизированных соединений на бронетранспортеры, обладающие скоростью и проходимостью танков.

Ни одна страна мира не смогла достичь такого уровня технической оснащенности своей армии ни к началу, ни даже к концу Второй мировой войны, хотя отдельные элементы танковых соединений будущего появились уже в ходе войны.

Огромный конструкторский и технологический «задел», накопленный в 30-е годы в танковой индустрии СССР, позволил Красной Армии сделать несколько шагов к этому «будущему» раньше всех в мире. Главной составляющей качественного скачка было создание двух новых типов танков с **полноценным противоснарядным бронированием**: среднего Т-34 и тяжелого КВ. Боевую живучесть новых советских танков повышало и использование **дизель-**

ного мотора, который работает на топливе, значительно менее опасном в отношении пожара и взрыва паров. Еще одним бесспорным достоинством дизеля является его экономичность, в результате чего значительно более тяжелые советские танки обладали большим запасом хода, нежели их немецкие противники. Так, запас хода немецких танков Pz-III и Pz-IV не превышал 150–200 км, в то время как Т-34 мог пройти на одной заправке 300 км (последние модификации Т-34/76 имели запас хода более 400 км), а КВ – 250 км. Дизельные моторы были установлены и на легких танках БТ последней модификации (БТ-7М), при этом была достигнута феноменальная скорость в 62 км/час и запас хода до 400 км. Невероятно, но даже по опорной проходимости 48-тонный танк КВ благодаря применению широкой гусеницы превосходил своих противников (удельное давление на грунт всего 0,77 кг/см. кв против 1 кг/см. кв у средних немецких танков). Мощная бронезащита танков Т-34 и КВ была дополнена столь же мощным вооружением. **Длинноствольная** (в отличие от короткоствольного «окурка» на немецком Pz-IV) **76-мм пушка** Ф-34 с большой дальностью прицельной стрельбы позволяла уничтожать на относительно безопасной дистанции как любые немецкие танки, так и легкие полевые укрытия (на дистанции в 4 км снаряд пушки Ф-34 пробивал кирпичную кладку в полметра).

Немцы же с перевооружением танковых частей безнадежно отстали – к 22 июня 1941 г. они не создали ни одного нового типа танка, а все улучшение бронезащиты имеющихся моделей свелось к установке дополнительной 30-мм лобовой плиты на танках Pz-III серий H и J да увеличению до 50 мм толщины брони лба корпуса и башни на Pz-IV серии F. Боковая поверхность башни, высоченные отвесные борта и корма немецких танков даже самых новых модификаций по-прежнему оставались прикрытыми лишь противопульной 30-мм броней, которая пробивалась огнем советской «сорокапятки» на предельной (по условиям прицельной стрельбы) дальности в 600–700 м. В деле совершенствования вооружения танков немцы также не пошли дальше частичной модернизации имеющихся моделей. А именно – средние (по немецким меркам «средние») танки Pz-III начиная с серии G стали выпускать с 50-мм пушкой KwK-38, в дальнейшем этой же пушкой были перевооружены и «тройки» предыдущих серий E и F. Оскольно-фугасный снаряд 50-мм пушки KwK-38 весил даже чуть меньше (1,81 кг против 2,14 кг), чем ОФ снаряд советской 45-мм танковой пушки 20К. Другими словами, модернизированные немецкие «средние» танки по мощности вооружения **лишь приблизились к уровню** «безнадежно устаревших» советских танков Т-26 и БТ. Серьезным качественным усовершенствованием было лишь создание и постановка на вооружение пехотных дивизий вермахта новой 50-мм противотанковой пушки Рак-38, хотя и она не решала в полном объеме задачу борьбы с новыми советскими танками. Разумеется, в дальнейшем система противотанковой обороны вермахта была радикально улучшена, но на коротком отрезке времени (лето-осень 1941 г.) советский «меч» в своем развитии **безусловно обогнал** немецкий «щит».

Броня, мм	КВ	Т-34	Pz-IV F
лоб	75	45	50
борт	75	40–45	30
башня	90–75	52	50–30
корма	70–60	45	22

И

Тип и на- звание орудия	Вес сна- ряда, кг	Нач. ско- рость, м/сек	Началь- ная энер- гия, кДж	Броне- проби- ваемость на 100 м	Броне- проби- ваемость на 500 м
Немецкая ПТО 50-мм PaK-38	2,06	830	710	88 мм / 68 мм	75 мм / 58 мм
Советская дивизи- онная 76-мм Ф-22	6,30	690	1500	82 мм / 69 мм	75 мм / 61 мм
Немецкая танковая 50-мм KwK-38	2,06	690	490	54 мм / 46 мм	46 мм / 41 мм
Советская танковая 76-мм Ф-34	6,30	662	1380	80 мм / 65 мм	69 мм / 55 мм

Как видим, советские «дивизионка» Ф-22 и танковая пушка Ф-34 гарантированно пробивали плоский лоб самых тяжелых (на лето 1941 г.) немецких танков. Стоит отметить и то, что высокая бронепробиваемость советских 76-мм пушек Ф-22 и Ф-34 сочеталась с большим весом и рекордно большой кинетической энергией бронебойного снаряда (по весу в три раза и по энергетике в два раза превосходящего снаряд немецкой противотанковой PaK-38). Все это, в сочетании с необычно мощным для бронебойных снарядов того времени весом разрывного заряда (76-мм снаряды БР-350А/Б снаряжались 120–155 г тротила, что, например, в десять раз больше веса разрывного заряда 45-мм бронебойного снаряда БР-240), обеспечивало «заброневое воздействие», достаточное для разрушения танка и выведения из строя его экипажа. Ситуацию усугубляло и использование на всех без исключения немецких танках карбюраторных моторов, работающих на пожаро-взрывоопасном бензине.

С другой стороны, лучшая на лето 1941 года немецкая танковая пушка KwK-38 была практически бесполезна в борьбе с танком KV (броню которого она не пробивала ни с одного направления даже при стрельбе в упор), а в бою против «тридцатьчетверки» экипаж немецкого «среднего» танка Pz-III мог рассчитывать только на сверхудачное попадание в просвет между гусеничными катками (в этой зоне корпуса Т-34 отвесная 45-мм бортовая броня не имеет наклона и может быть на малых дистанциях пробита пушкой KwK-38). Правда, для этого немецкому танку надо было еще как-то приблизиться к Т-34, который мог расстрелять его на километровой дальности... Неудивительно, что уже в июне-июле 1941 г. в докладах командиров танковых дивизий и механизированных корпусов Красной Армии появляются во множестве сообщения такого типа: *«танки «KV» приводили в смятение противника, и во всех случаях его танки отступали... имелись случаи, когда один танк KV выводил из строя до 10–14 танков противника... огонь наших танков с первых двух-трех выстрелов уничтожал танки противника... танки противника от огня наших 76-мм танковых пушек воспламеняются... при появлении наших танков, особенно KV, пехота бежит, да и танки боя не принимают»* (63).

Далеко убежать от танка не получится, поэтому пехоте вермахта предстояло не бегать, а бороться против Т-34 и KV. Лобовые 75-мм броневые листы танка KV имели наклон в 65 и 30 угловых градусов. Сравнивая эти цифры с параметрами бронепробиваемости новейшей длинноствольной (длина ствола 60 калибров, в то время как у KwK-38 «всего» 42) немецкой 50-мм противотанковой пушки PaK-38, мы приходим к выводу, что поразить в лоб 48-тонного монстра немецкие артиллеристы не могли. Единственно возможной тактикой борьбы с KV могла быть только стрельба в борт, из засады, на предельно малой дистанции. Лобовой лист корпуса Т-34, хотя и имел толщину «всего» в 45 мм (литая башня имела толщину стенок в 52 мм), но был установлен под необычайно большим уклоном (60 градусов), что даже чисто геометрически увеличивает эффективную толщину брони до 90 мм. Практически же такой большой наклон бронелиста обычно приводил к рикошету бронебойной «болванки». Поразить Т-34 лучшая немецкая противотанковая пушка могла, только стреляя в борт корпуса (толщина

брони – 40 мм, угол наклона – 40 градусов) или с малой дистанции в башню. Еще одним уязвимым местом «тридцатьчетверки» на протяжении всей войны оставался установленный на лобовом листе люк механика-водителя, который при прямом попадании бронебойного снаряда «проваливался».

При всем при этом ни Т-34, ни КВ не были «чудо-оружием». Абсолютно неуязвимых танков, конечно же, не бывает, да и сам термин «противоснарядное бронирование» является условностью. Снаряды бывают очень разные. Немецкая 150-мм пушка (не путать с гаубицей!) разгоняла снаряд весом в 43 кг до скорости 865 м/сек, что дает кинетическую энергию в 16 мДж, что примерно в 10 раз больше начальной энергии снаряда пушки Ф-22 и в 82 раза больше дульной энергии самой массовой в вермахте 37-мм противотанковой пушки. Но и это далеко не предел возможностей полевой ствольной артиллерии. Советская 210-мм пушка Бр-17 (вес в боевом положении 44 тонны) стреляла снарядом весом в 133 кг и начальной скоростью 800 м/сек, чему соответствует дульная энергия в 43 мДж. Выстрел орудий такой мощности по танку производил впечатление удара молнии, пробивал танк насквозь или срывал с него многотонную башню. Вот только к реальной организации противотанковой обороны вся эта «экзотика» не имеет никакого отношения.

Сам по себе факт наличия некоего оружия, способного разрушить некоторый предмет, еще не дает ни малейших оснований для тактических, тем паче – оперативных, выводов. Поясним это парой простых примеров. Топор, несомненно, способен перерубить шейные позвонки и отделить голову самого тяжелого и сильного человека от туловища. Что, однако, не означает, что наличие топоров позволяет с легкостью уничтожить любую вражескую армию, хотя она и состоит, в конечном итоге, из людей с головами на хрупкой шее. Необходимо еще принять во внимание количество топоров, количество врагов, их вооружение, расстояние между противниками в бою и операции и пр. Хотя в каком-то уникальном случае (ночное нападение на уснувшего часового) топор может быть полезен. Более того, топором можно сражаться и против танка. Бывало и такое: *«Храбрец подкрался по канаве с тыла, быстро вскарабкался на танк и ударами саперного топора вывел из строя пулемет и экипаж вражеского танка»*. Это строки из воспоминаний генерала армии Д.Д. Лелюшенко. Прославленный полководец закончил войну в Праге, в должности командующего 4-й Гвардейской танковой армией, и немецкие танки видел не на картинках. Да и комсомолец Иван Павлович Середа – лицо не вымышленное, а реальный участник войны, удостоенный за свой подвиг звания Героя Советского Союза. И тем не менее, несмотря на большое число храбрецов и саперных топоров, уничтожить все немецкие танки таким простым и дешевым способом не удалось...

Если уничтожение танка при помощи саперного топора может быть отнесено к разряду «чудес, которые иногда бывают», то гораздо более серьезными могли – на первый взгляд – быть последствия массового применения ПТАБов.

В ЦКБ-22 под руководством И.А. Ларионова была разработана, а в середине 1943 г. запущена в крупносерийное производство сверхлегкая (1,5–1,7 кг в разных модификациях) противотанковая авиабомба с кумулятивным зарядом, способным прожигать броню толщиной до 60 мм. И полигонные испытания, и боевое применение (впервые – на Курской дуге), и осмотр подбитых немецких танков на поле боя подтвердили тот непреложный факт, что кумулятивный заряд ПТАБа реально пробивает верхние бронелисты любого немецкого танка, а заброневое воздействие высокоскоростной струи расплавленного металла таково, что выводит из строя экипаж, вызывает детонацию боеприпасов и возгорание танка. Штурмовик Ил-2 брал в полет 192 ПТАБа в 4 кассетах (по 48 штук в каждой). При сбрасывании с высоты 200 м общая площадь поражения занимала полосу 15х190 метров, в которой обеспечивалось гарантированное уничтожение любой бронетехники вермахта. Другими словами, один штурмовик теоретически мог уничтожить полдюжины тяжелых танков, идущих в плотной походной колонне. Массовое производство кумулятивных зарядов не требовало к тому же расхода дефицитных

цветных металлов, а основная «начинка» кумулятивного снаряда – смесь гексогена с тротилом – была принята на вооружение ВМФ СССР (для снаряжения морских мин и торпед) еще в феврале 1941 г. (87) И что, после появления ПТАБов немецкие «тигры» исчезли с полей боев? Или, по крайней мере, ПТАБы сделали излишними противотанковую артиллерию и самоходные «истребители танков»?

Да, действительно, 150-мм немецкая пушка, равно как и 88-мм зенитка (вес снаряда 9 кг при начальной скорости 820 м/сек), пробивала броню любых советских танков, включая Т-34, а в определенных условиях – и КВ. Но что это означало практически? Даже в условиях «рыцарского турнира», где число участников с каждой из сторон строго одинаково, шансы на успех артиллеристов были бы весьма сомнительны. Вес чудовищного 150-мм орудия превышает 12 тонн, габариты выше роста человека, орудийный расчет не прикрыт даже тонким лобовым щитом (и это неудивительно, учитывая, что дальнобойная пушка и не предназначалась для ведения огня на переднем крае). Развернуть орудие в сторону наступающих танков, тем паче – сменить огневую позицию, без мощного тягача невозможно в принципе. Даже теоретическая «скорострельность» 150-мм пушки не превышает одного выстрела в минуту, да и практически шансов на второй выстрел в бою с танком у этого огромного, заметного за версту орудия немного. Использование такого орудия, как средства ПТО, никогда не планировалось, соответственно личный состав орудийного расчета стрелять по танкам не обучен. И тем не менее в том случае, когда танковая атака противника по чистой случайности произойдет в районе огневой позиции 150-мм пушки, она способна, при наличии везения, подбить один, а может быть, и два танка, прежде чем будет сама уничтожена ответным огнем.

Теперь от ситуации «турнира» перейдем к реальностям войны. В каждом полку пехотной дивизии вермахта по штатному расписанию должно было быть (что еще не означает, что в каждой дивизии они были) две 150-мм пушки.

Две штуки. О том, чтобы в считанные минуты танкового боя перебросить к месту прорыва 12-тонные пушки соседнего полка, не приходится даже и говорить. Не многим более «мобильны» и 105-мм пушки (в ряде дивизий они заменяли отсутствующие 150-мм), весящие 5,6 т и оснащенные шестеркой лошадей. В танковом батальоне танкового полка советской танковой дивизии примерно 50 (точное число зависело от типа боевых машин) танков. Строго говоря, на этом все обсуждение возможности решения задачи противотанковой обороны при помощи 150-мм пушек можно закрывать. Используя свои тяжелые орудия, пехотный полк вермахта мог уничтожить один взвод (3 танка), случайно напоротившийся на огневую позицию 150-мм пушек. Об отражении массовой танковой атаки не может быть и речи – рота танков Т-34 или КВ (не говоря уже о подразделениях более крупного масштаба) «раскатает» по земле тяжелые орудия, прежде чем они успеют сделать десяток выстрелов...

Строго говоря, и новых 50-мм противотанковых пушек Рак-38 в пехотном полку вермахта было (опять же было по штатному расписанию, а не в реальности!) **всего 2 единицы**, но они были достаточно легкими (986 кг), и командование дивизии могло бы (если бы эти пушки были в необходимом количестве) сосредоточить их в полосе прорыва танков. Летом же 1941 года на вооружении пехотной дивизии вермахта могло быть всего **6 единиц Рак-38 и 66 единиц 37-мм** противотанковых Рак-36, которые все еще оставались наиболее массовым орудием ПТО немецкой армии. Примечательно, что именно после встречи с «тридцатьчетверкой» немецкая 37-мм Рак-36 получила свое прозвище «дверная колотушка» (смысл этого черного солдатского юмора был в том, что постучать по броне снаряд может, но «войти внутрь» – нет). Не менее красноречивы и конкретные цифры потерь «колотушек». Так, к 1 ноября 1941 г. вермахт потерял на Восточном фронте **2479 противотанковых 37-мм пушек, что в 1,42 раза больше**, чем потери всех артсистем дивизионного и корпусного звена (калибром от 75 мм до 150 мм включительно), вместе взятых. (88. стр. 381)

Что же касается 88-мм немецких зениток, то их в составе пехотных (равно как и танковых, и моторизованных) дивизий вермахта не было вовсе, т. к. все зенитные батареи в вооруженных силах Германии организационно входили в состав люфтваффе и «сухопутным» командирам не подчинялись. Более того, зенитным орудиям такого калибра в боевых порядках войск и делать было нечего. Для защиты войск на поле боя от налетов вражеских штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков нужна мобильная зенитная пушка с высокой скорострельностью при относительно небольшой досягаемости по высоте. Такие пушки калибром от 20 мм до 40 мм и стояли на вооружении сухопутных войск (так, по штатному расписанию танковой дивизии Красной Армии полагалось 12 зенитных 37-мм автоматических пушек). Тяжелая (боевой вес 5,2 т) 88-мм зенитка с досягаемостью по высоте в 11–14 км была предназначена для обороны крупных объектов от высоколетящих дальних бомбардировщиков. Методика стрельбы по скоростной высотной цели не имеет ничего общего со стрельбой прямой наводкой по танку, габариты и вес 88-мм зенитного орудия очень далеки от требований к малозаметной и высокоподвижной пушке ПТО. Да, действительно, оказавшись в безвыходной ситуации после встречи с новыми советскими танками, особенно – после появления на поле боя тяжелого танка КВ, немцы вынуждены были заняться самыми нелепыми импровизациями, вроде использования 5-тонных зениток и 12-тонных дальнобойных пушек для борьбы с танками, но не стоит, наверное, выдавать «нужду за добродетель»...

Значительно более опасным, нежели многотонные дальнобойные или зенитные немецкие пушки, противником новых советских танков был легкий, весом 980 граммов, 50-мм подкалиберный снаряд. Этот снаряд имел достаточно сложную конструкцию, состоявшую из бронебойного сердечника и оболочки (так называемого «поддона»). При попадании снаряда в цель поддон, изготовленный из мягкой стали, сминался, а твердый остроголовый сердечник, изготовленный из карбида вольфрама, пробивал броню. Такая конструкция обеспечивала значительно меньший вес подкалиберного снаряда (по сравнению с обычной бронебойной «болванкой») и как следствие – существенно большую скорость и бронепробиваемость. Так, 50-мм противотанковая пушка Рак-38 пробивала подкалиберным снарядом PzGr-40 броню в 130 мм на 100-метровой дистанции. Этого, безусловно, было достаточно для поражения любого танка, включая тяжелый КВ. Даже жалкая 20-мм пушечка легкого немецкого танка Pz-II с расстояния в 100 м пробивала снарядом с карбид-вольфрамовым сердечником 49-мм брони. Однако «и на солнце есть пятна». Как танк КВ не был «абсолютным оружием», так и «вольфрамовый» снаряд не решал всех проблем противотанковой обороны, и отнюдь не случайно он не вытеснил обычный, «калиберный» снаряд, а вскоре и вовсе был снят с вооружения.

Первым и самым главным недостатком подкалиберных снарядов было их отсутствие. Карбид вольфрама в противотанковом снаряде – это дорогостоящая экзотика, и разбрасываться (в самом прямом смысле этого слова) дефицитнейшим легирующим элементом (вольфрамом), необходимым для производства специальных сталей, во время затяжной войны Германия не могла. Объем выпуска «вольфрамовых» снарядов составлял десятки, потом – единицы процентов от общего производства противотанковых боеприпасов, а в начале 1944 года был вовсе прекращен. Во-вторых, скорость, а следовательно, и бронепробиваемость снарядов малого веса и калибра стремительно убывает с расстоянием. В аэродинамике это называется «закон куба-квадрата» (аэродинамическое сопротивление зависит от квадрата линейных размеров, а сила инерции – от куба, поэтому легкий снаряд малого калибра быстрее теряет свою первоначальную скорость, нежели тяжелый снаряд большего калибра). Применительно к подкалиберному снаряду действие этого закона усугублялось плохой аэродинамикой и большим сопротивлением «поддона». В результате уже на дистанции в 500 м бронепробиваемость 37-мм «вольфрамового» снаряда снижалась до уровня обычной «болванки», а на дальности в 1 км и вовсе падала до нуля. Фактически стрельба подкалиберным снарядом по тяжелому советскому танку была разновидностью смертельно опасной «русской рулетки»: расчет противотанкового

орудия должен был подпустить КВ на предельно близкую дистанцию и поразить стальное чудовище с первого выстрела. В-третьих, танк – это не воздушный шарик, который достаточно проткнуть иголкой. В борьбе с танком важен не сам факт появления некоего сквозного отверстия в броне, а то, что называется «заброневым воздействием». Несколько отклоняясь от хронологии повествования, отметим один интересный документ: отчет комиссии НИИБТ ГБТУ, которая в конце июля 1943 г. осмотрела 30 подбитых в сражении на Курской дуге немецких «пантер». Почти все подбитые и сгоревшие танки имели две-три и более пробоины (главным образом – от 76-мм снарядов, несущих мощный разрывной заряд). «Пантере» с бортовым номером 634 потребовалось получить 7 пробоин (три – от 76-мм снаряда), прежде чем она сгорела. (83) Поджечь дизельный КВ или Т-34 было едва ли легче. Подкалиберный же снаряд в принципе не мог нести разрывной заряд, а масса карбид-вольфрамовой «пики» была относительно мала для того, чтобы создать мощную струю раскаленных микроосколков пробитой брони. Подкалиберный сердечник 20-мм снаряда и вовсе представлял собой не более чем твердый «гвоздь», который мог нанести танку серьезное повреждение только в случае попадания в какой-то особо уязвимый агрегат. К этим общим недостаткам (можно их назвать словом «особенности») подкалиберных снарядов в случае стрельбы по танку Т-34 добавлялся еще один: характерная для всех остроконечных снарядов малого диаметра и большого удлинения склонность к рикошету или «опрокидыванию» с последующим разрушением снаряда при встрече с броней под углами более 30–40 градусов.

Общий вывод, вероятно, должен быть сформулирован так: летом 1941 г. вермахт не имел вооружения, с помощью которого можно было бы отразить массированную атаку крупных соединений новых советских танков (Т-34 и КВ), но эта констатация не опровергает тот факт, что единичные танки могли быть в особо благоприятных для обороняющихся условиях уничтожены зенитками, тяжелыми дальнобойными пушками, подкалиберными бронебойными снарядами.

Глава 4 Про «Меч-кладенец» и «Золотое сечение»

Качественно новые технические характеристики советских танков Т-34 и КВ (противо-снарядное бронирование, мощное вооружение, дизельный двигатель, высокая проходимость и большой запас хода) в своей совокупности означали создание принципиально нового инструмента ведения войны. Т-34 и КВ могли в значительной степени самостоятельно (не дожидаясь подхода артиллерии) подавить огневые средства противника на переднем крае, а затем поддерживать прицельным огнем пехоту при прорыве обороны противника на всю тактическую глубину. И тем не менее «ни один род войск не заменяет другого». Есть целый ряд задач, которые 76,2-мм танковая пушка не может решить в принципе. Например, подавить минометную батарею, которая, укрывшись за склоном холма, не дает подняться пехоте. Для этой цели нужна гаубица с ее навесной траекторией стрельбы. Еще один распространенный вид целей, недоступных «трехдьюмовому» снаряду весом в 6,2 кг, – долговременные оборонительные сооружения. Не говоря уже о бетонных дотах, даже для разрушения правильно выстроенного блиндажа «в три наката» («дерево-земляной огневой точки» по-научному) требуется снаряд 122-мм или даже 152-мм гаубицы (снаряды систем такого калибра весили соответственно 20–22 и 40–45 кг). Именно невозможность наступления без систематической поддержки со стороны артиллерии дивизионного и корпусного звена ограничивала ранее глубину танкового удара. Советское военное руководство совместно с конструкторами и промышленностью проделало огромную многолетнюю работу, позволившую в начале 40-х годов создать такие боевые соединения, в которых не танки жмутся к огненным позициям своей артиллерии, а артиллерия (вплоть до тяжелой) движется вслед за танками. Двигается с той же проходимостью, что и танки, хотя и с меньшей скоростью. Разумеется, совсем хорошо было бы обеспечить и высокую защищенность, и скорость передвижения тяжелых орудий по пересеченной местности, равную скорости танков. И такая задача решается – но для этого нужна уже боевая машина, называемая «самоходной артиллерийской установкой». Увы, такую роскошь, как полная замена буксируемой тяжелой артиллерии самоходными установками, не смогла себе позволить ни одна из участвовавших во Второй мировой войне армий.

Для буксировки артиллерии механизированных (танковых) соединений, а также корпусных полков и артполков РГК в конце 30-х годов было разработано четыре типа гусеничных тягачей, различавшихся по мощности мотора, по тяговому усилию и допустимому весу буксируемого орудия (прицепа), по сложности и стоимости. Все они имели крытую брезентом платформу для размещения орудийного расчета и боеприпасов, оборудовались мощной лебедкой для «самовытаскивания», три из четырех были оснащены дизельными моторами, т. е. работали на относительно пожаробезопасном топливе. (17)

	Н, л.с.	Тяга, т	Вес прицепа, т	Скорость, км/час
СТЗ-НАТИ (СТЗ-5)	56, бен.	?	4,5	21 – 15
С-2	105, диз.	6,2	10	26 – 15 – 10
«Коминтерн»	131, диз.	6,8	17	30 – ? – ?
«Ворошиловец»	400, диз.	13–17	22	42 – 20 – 16

Примечание: в графе «Скорость» первая цифра – без прицепа по шоссе, вторая – с прицепом по шоссе, третья – с прицепом по пересеченной местности.

Теперь сравним цифры, указанные в таблице, с весом наиболее распространенных арт-систем. Как известно, самыми тяжелыми орудиями, которые стояли на вооружении стрелковых, моторизованных и танковых дивизий Красной Армии, были 152-мм гаубицы и 85-мм зенитные пушки. Вес той и другой систем находился в диапазоне 4,5–4,3 т. Таким образом, даже самый простой и дешевый СТЗ-5 мог обеспечить буксировку любых систем дивизионной

артиллерии. На вооружении корпусных артполков наряду со 152-мм гаубицами стояли значительно более тяжелые системы: 122-мм пушка А-19 (вес 7,8 т) и 152-мм пушка-гаубица МЛ-20 (7,9 т). Для буксировки орудий такого веса на Челябинском тракторном заводе был разработан и запущен в серийное производство мощный дизельный тягач С-2. Тяговые характеристики этой гусеничной машины обеспечивали буксировку практически всех орудий дивизионной и корпусной артиллерии, а также эвакуацию подбитых легких танков. Несмотря на то что выпуск С-2 пришлось прекратить уже в 1942 году (производственные мощности Челябинского завода были переведены на массовый выпуск танков), надежные и мощные тягачи этого типа простояли на вооружении советской артиллерии до начала 50-х годов.

В артполках и отдельных дивизионах большой и особой мощности РГК использовались орудия совсем другой «весовой категории»: 203-мм гаубица Б-4 (19 т), 152-мм пушка Бр-2 (19,5 т), 280-мм мортира Бр-5 (19,7 т), 305-мм гаубица Бр-18 (45,7 т). Эти системы метали снаряды весом от 100 до 330 кг, и их использование планировалось главным образом для разрушения железобетонных дотов. Относительно массовой среди всей этой артиллерийской экзотики была только 203-мм гаубица Б-4 (871 единица), но и она никак не предназначалась для совместных действий с механизированными соединениями. Тем не менее созданные для буксировки тяжелых артсистем гусеничные машины сыграли важную роль и в деле формирования новых механизированных корпусов, так как их высокие тяговые характеристики позволяли использовать артиллерийские тягачи для эвакуации с поля боя подбитых танков.

Наиболее распространенным тяжелым гусеничным тягачом был «Коминтерн», выпускавшийся на Харьковском паровозостроительном заводе № 183 им. Коминтерна (да-да, именно так назывался крупнейший танковый завод мира). Оснащенный 130-сильным двигателем, тягач развивал скорость до 30 км/час по шоссе и имел запас хода 220 км. На предельно низкой передаче (при скорости 2,6 км/час) «Коминтерн» мог тащить тяжелые артсистемы на подъеме до 40 угловых градусов. О надежности и ремонтпригодности этой машины можно судить по тому, что с 1 сентября 1942 г. и по конец войны было безвозвратно потеряно всего 56 тягачей этого типа! (17)

В 1940 г. производство «Коминтернов» было свернуто, и высвободившиеся производственные мощности завода № 183 были задействованы для серийного производства «Ворошиловца» – гусеничного тягача с уже совершенно феноменальными тактико-техническими характеристиками. Основой конструкции был 400-сильный танковый дизельный двигатель В-2 (ни один немецкий тягач или танк того времени не имел двигатель такой мощности). Без прицепа тягач развивал на шоссе скорость 42 км/час и имел запас хода 390 км, с полной нагрузкой – 20 км/час и 240 км. Другими словами, «Ворошиловец» способен был в течение одного светового дня и на одной заправке топлива переместить тяжелую гаубицу с одного фланга полосы обороны армии на другой. Максимальное тяговое усилие в 17 т (зимой из-за пробуксовки гусениц оно снижалось до 13 т) позволяло буксировать самые тяжелые артсистемы, два «Ворошиловца» справлялись даже с чудовищной 305-мм гаубицей Бр-18 весом в 45,7 тонны. В качестве эвакуационного тягача «Ворошиловец» способен был тащить пятибашенный танк Т-35, два тягача могли отбуксировать с поля боя подбитый КВ (48 тонн). Сверхмощная машина оказалась достаточно надежной и выносливой – несмотря на прекращение осенью 1941 г. серийного производства, 336 «Ворошиловцев» дожили до конца войны (некоторые из них приняли участие в Параде Победы), а затем продолжали нести воинскую службу до начала 50-х годов. (17)

Немцы пошли другим путем. Для транспортировки артиллерийских орудий и боеприпасов была разработана целая «линейка» полугусеничных тягачей с карбюраторными моторами мощностью от 100 до 185 л.с. и максимальным весом буксируемого объекта от 3 до 18 тонн. По скорости буксировки немецкие полугусеничные тягачи значительно превосходили любые советские, разве что за исключением «Ворошиловца». Это есть факт. В оценке этого факта (как и любых других) желательно проявить взвешенный подход и не спешить с выводами. Метод

навесной стрельбы гаубичной артиллерии вовсе не требует непрерывного перемещения орудий вслед за наступающими танками. Скорость буксировки не бывает «высокой» или «низкой» сама по себе – практический смысл имеет только **соотношение скорости движения артиллерии с темпом наступления танковой дивизии.**

Самый массовый и дешевый тягач СТЗ-5 за 4 часа движения со скоростью 15 км/час проползет по дороге 60 км маршрута. При движении по полному бездорожью потребное время марша возрастет в 1,5–2 раза, т. е. до 6–8 часов. Вполне приемлемые показатели подвижности артиллерии моторизованных соединений, темп наступления которых даже теоретически не превышал 30–50 км в день. Наконец, не стоит забывать и о том, что новые дизельные танки (КВ, Т-34, БТ-7М) вполне могли быть использованы в качестве гусеничного тягача, причем тягача гораздо более мощного и быстроходного, нежели любой артиллерийский тягач того времени.

При всем при этом «запас карман не тянет», и наличие скоростных артиллерийских тягачей в вермахте было большим его преимуществом. Сложнее обстоит вопрос с оценкой проходимости, без которой «скорость буксировки» превращается из реальной тактической характеристики в бумажную фикцию. На умеренно плохой грунтовой дороге немецкий полугусеничник двигался уверенно, в настоящую же российскую распутицу два передних (пасивных) колеса уходили по ступицу в грязь и, как плуг, «пахали» грунт до тех пор, пока не глох двигатель. В известном смысле немецкие полугусеничные тягачи чем-то предвосхищали современные «паркетные джипы»: красивые, комфортабельные, но при этом уступающие полубрезентовому «уазу» в проходимости по нашему бездорожью. Советские трактора и гусеничные тягачи ползли медленно, но зато наверняка. Что же касается количества, то в данном случае (едва ли не единственном) Германия обогнала Советский Союз. До конца 1939 г. было произведено 5,8 тыс. полугусеничных тягачей пяти разных типов (Sd.Kfz – 11/6/7/8/9), в следующем году произведено порядка 6 тыс., чуть менее 7 тыс. было выпущено в 1941 году, всего – порядка 18,5 тыс. тягачей (в указанную численность не вошли полугусеничные шасси, использованные для производства бронетранспортеров Sd.Kfz-250/ 251).

В Советском Союзе с развертыванием массового выпуска специализированных артиллерийских тягачей серьезно запоздали. До конца 1940 г. было выпущено 1798 «Коминтернов» и порядка 600 «Ворошиловцев». С учетом наличия 2839 тягачей СТЗ-5 (и не считая С-2, производство которых осенью 40-го года только начиналось) набирается порядка 5,2 тыс. тягачей. В 1941 году планировалось выпустить еще 5 тыс. СТЗ-5, 2 тыс. С-2, 700 «Ворошиловцев», т. е. увеличить число гусеничных тягачей Красной Армии более чем в два раза. Грандиозные планы успешно выполнялись. К началу июня 1941 года в строю было **6,7 тыс. тягачей СТЗ-5 и С-2, более 2,5 тыс. «Коминтернов» и «Ворошиловцев»,** т. е. порядка 9,2 тыс. специализированных артиллерийских тягачей. (17. стр. 31) Это количество уже **превышало общую численность (8,7 тыс.) тяжелых артсистем,** состоявших на вооружении Красной Армии (3817 гаубиц 152-мм, 2603 гаубицы-пушки 152-мм, 1255 пушек 122-мм, 871 гаубица 203-мм, 147 орудий большой и особой мощности). (9. стр. 248–250) Кроме того, в войсках еще ДО начала открытой мобилизации числилось порядка 28 тыс. сельскохозяйственных тракторов, что **более чем в два раза превосходило суммарное число «объектов для буксировки»,** т. е. дивизионных гаубиц калибра 122 мм и тяжелых зенитных орудий калибра 76 мм и 85 мм. Вот на такой «весомой, грубой, зримой» материальной базе и реализовывались планы развертывания небывалых по мощи танковых соединений: механизированных корпусов Красной Армии.

Решение о формировании восьми механизированных корпусов нового типа было утверждено наркомом обороны Тимошенко 9 июня 1940 г., штатное расписание мехкорпуса утверждено 6 июля 1940 г. (временной разрыв объясняется, вероятно, состоявшейся во второй половине июня аннексией Прибалтики, каковая отвлекла внимание высшего руководства страны).

Распределены мехкорпуса были вполне логично. По два корпуса развертывалось на главных стратегических направлениях, в Киевском и Белорусском (позднее он был переименован в Западный) Особых военных округах, по одному корпусу получили Ленинградский и Одесский округа (фланги будущего фронта), а также центральный Московский военный округ и расположенный на беспокойной границе с оккупированным японцами Китаем Забайкальский военный округ (фактически 5 МК дислоцировался значительно южнее Байкала – в Монголии). Итого 8 мехкорпусов. В октябре 1940 г. было принято решение сформировать еще один мехкорпус, девятый по порядку и по номеру, в Киевском ОВО. В Закавказском и Средне-Азиатском округах формировалось по одной отдельной танковой дивизии.

Все механизированные корпуса Красной Армии имели единую структуру. В состав мехкорпуса входили:

- **две танковые дивизии;**
- **моторизованная дивизия;**
- **отдельный мотоциклетный полк;**
- **многочисленные спецподразделения** (отдельный батальон связи, отдельный мотоинженерный батальон, корпусная авиаэскадрилья и т. д.).

По сути дела, в состав мехкорпуса входили три «танковые» дивизии, т. к. советская моторизованная дивизия имела в своем составе танковый полк и по штатному (275 единиц) числу танков превосходила немецкую танковую дивизию. Фактически отличие моторизованной дивизии от танковой заключалось в разной структуре, в разном соотношении между танковыми и мотострелковыми частями. В танковой дивизии было четыре полка: два танковых, мотострелковый и артиллерийский. В моторизованной дивизии также было четыре полка: два мотострелковых, танковый и артиллерийский.

Кроме того, в каждой дивизии были свой батальон связи, свой разведывательный батальон, понтонно-мостовой батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, многочисленные инженерные службы. В состав моторизованной дивизии (на случай встречи с танками противника) был предусмотрительно введен и отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Очевидно, что, разрабатывая именно такую структуру, советское командование стремилось к тому, чтобы корпус в целом обладал максимальной оперативной самостоятельностью. В руках командира корпуса был и танковый «таран» – четыре танковых полка танковых дивизий, вооруженные главным образом средними и тяжелыми танками, и своя собственная артиллерийская группа – три артполка на механической (тракторной) тяге, способная взломать на участке прорыва оборону противника, и механизированная «конная лава» – полк легких танков в моторизованной дивизии и корпусной мотоциклетный полк, и своя пехота – четыре мотострелковых полка, способных закрепиться на завоеванной местности и прикрыть наступающий танковый клин с флангов и тыла. Были в мехкорпусе и собственные средства противовоздушной обороны, связи, разведки. Даже собственная разведывательная авиация – корпусная авиаэскадрилья, на вооружении которой было 15 самолетов У-2 и Р-5 («кукурузник» У-2, как известно, взлетал и садился на любой лесной поляне, радикально решая таким образом сакраментальную проблему «отсутствия связи»).

После многочисленных изменений штатной численности вооружение мехкорпуса должно было включать **1031 танк**, а именно: **126 КВ, 420 Т-34, 316 БТ, 152 Т-26** (в том числе 108 огнеметных) и 17 плавающих пулеметных танкеток Т-38/Т40. Распределялись танки следующим образом: в моторизованной дивизии по штату должно было быть 258 легких скоростных БТ-7 и 17 плавающих танков. Всего **275 танков**. Каждой из двух танковых дивизий полагалось 63 тяжелых танка КВ, 210 средних Т-34, 26 БТ-7 и 76 Т-26 (в том числе 54 огнеметных). Итого **375 танков**. Еще 6 танков БТ-7 числилось в подразделениях управления корпуса. Кроме того, на вооружении мехкорпуса был и такой (отсутствующий в вермахте) тип бронетехники, как колесные пушечные броневые автомобили, всего 152 машины БА-10. Вооружены они были 45-

мм танковой пушкой 20К в стандартной танковой башне, т. е. по мощности и бронейности своего вооружения превосходили немецкие танки Pz-I, Pz-II, Pz-38(t), Pz-III (первых серий с 37-мм пушкой), все еще составлявшие к лету 1941 года 60 % парка танковых групп вермахта. Всего же (с учетом 116 легких пулеметных БА-20) в мехкорпусе числилось 1299 единиц бронетехники. Если выстроить всю бронетехнику мехкорпуса в одну линию со стандартным маршевым интервалом в 15 м между машинами, то получится «стальная лента» длиной в 25 километров. Общее распределение бронетехники мехкорпуса показано в таблице:

	КВ	Т-34	БТ-7	Т-26	Т-38/ Т-40	БА-10	БА-20
тд	63	210	26	76	0	56	39
тд	63	210	26	76	0	56	39
мд	0	0	258	0	17	18	33
корпусные подраздел.	0	0	6	0	0	22	5
ВСЕГО	126	420	316	152	17	152	116

Наличие на вооружении мехкорпуса 126 тяжелых танков КВ и 420 средних танков Т-34 кроме всего прочего означает 546 артиллерийских стволов калибра 76,2 мм, дающих вес совокупного залпа в 3385 кг. Кроме танковых пушек, в составе мехкорпуса была и «нормальная» буксируемая артиллерия, находящаяся в мотострелковых и артиллерийских полках дивизий корпуса. Распределена она была следующим образом:

	76,2-мм	122-мм	152-мм
тд	4	12	12
тд	4	12	12
мд	16	16	12
Всего	24	40	36

В целом вес совокупного залпа мехкорпуса (даже не учитывая полтысячи 45-мм пушек в башнях легких танков и тяжелых бронемашин) составлял без малого 6 тонн, т. е. в четыре раза превосходил соответствующий показатель пехотной дивизии вермахта. Д. Павлов мог с чувством законной гордости за Красную Армию докладывать в декабре 1940 г. участникам Совещания высшего комсостава:

«...Переходя к огневым средствам танкового корпуса, я позволю себе огласить вам некоторые итоги. Всего в корпусе имеется орудий всяких калибров и минометов 1466. Как видите, если этот корпус будет действовать даже на 10-км фронте (средняя ширина полосы обороны пехотной дивизии. – М.С.), то он один по насыщенности огнем может нанести сокрушительный удар... Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину. Впереди их, в соответствии с тактической и оперативной обстановкой, выбрасываются парашютные десанты, которые в дальнейшем будут подчинены этим танковым корпусам. За танковыми корпусами устремляются со своими танками мотопехота и стрелковые корпуса... При таких действиях мы считаем, что как минимум пара танковых корпусов в направлении главного удара должна будет нанести уничтожающий удар в течение пары часов и охватить всю тактическую глубину порядка 30–35 км. Это требует массированного применения танков и авиации; и это при новых типах танков возможно...» (14)

Для полного укомплектования танками девяти мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий, решение о развертывании которых было принято летом 1940 г., требовалось «всего» 10 тыс. танков. Эту отметку Красная Армия «проскочила» еще в 1937 году, а 15 сентября 1940 г. на вооружении армии числилось 17,7 тыс. танков (опять же не считая легкие танкетки Т-27 и плавающие танки). Проблема заключалась не в количестве, а в качестве: серийное производство танков новых типов только-только начиналось, а для полного укомплектования всех 20 танковых дивизий требовалось **1260 КВ и 4200 Т-34**. Разумеется, танки Т-28, Т-26, БТ, которыми временно вооружались новые мехкорпуса, были по меньшей мере лучше немецких фанерных макетов: на них можно было не только обучать личный состав, проводить сколачивание частей и подразделений, но при необходимости и воевать. Еще раз повторим, что «тех-

нически устаревшими» эти танки могли считаться только по сравнению с уникальными характеристиками Т-34 и КВ, а вовсе не в сравнении с танками противника.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что с перевооружением на новейшие, лучшие в мире танки не надо было спешить. Поэтому советская танковая промышленность работала не покладая рук. По состоянию на 31 декабря 1940 г. в войска уже поступили первые 196 КВ и 97 Т-34. План производства танков в 1941 г. непрерывно менялся (естественно, в сторону увеличения) и предусматривал выпуск порядка 5,5 тыс. танков новых типов. Фактически в 1941 году было выпущено **1358 КВ и 3014 Т-34** (1, стр.598, 38, стр.18) Причем этот объем производства был обеспечен в таких «условиях», которые летом 40-го г. могли привидеться только в кошмарном сне: один из основных производителей бронекорпусов танков в г. Мариуполе был потерян, два важнейших предприятия (завод № 183 и единственный в стране производитель танковых дизелей завод № 75) пришлось под бомбами перевозить из Харькова на Урал, два огромных ленинградских завода (№ 185 им. Кирова и № 174 им. Ворошилова) оказались в кольце блокады. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что в нормальных условиях советская промышленность смогла бы обеспечить к концу 1941 года полное укомплектование и перевооружение новыми танками всех девяти мехкорпусов, каждый из которых по числу танков превосходил любую из четырех танковых групп вермахта, причем при абсолютном превосходстве в ТТХ советской бронетехники.

Огромные «табуны» легких танков Т-26 также не были забыты, и переплавка в мартеновских печах им не грозила.

По принятым летом-осенью 1940 г. решениям танковые бригады не только не расформировывались, а напротив – их число решено было увеличить до 45. «Жалкие» 11,5 тыс. легких танков, необходимых для укомплектования танковых бригад, по большей части уже существовали. Предполагалось, что бригада легких танков будет оперативно подчиняться командиру стрелкового корпуса и использоваться им как для непосредственной поддержки пехоты на поле боя в наступлении, так и в качестве инструмента нанесения мощного контрудара по прорвавшейся в тактическую глубину обороны корпуса пехоте и танкам противника. Таким образом, вопрос, над которым десять лет ломали голову военные теоретики всего мира, был решен в Красной Армии самым радикальнейшим образом. Французы «размазали» три тысячи своих легких танков по пехотным частям, оставшись в результате без крупных ударных соединений. Немцы передали все имеющиеся у них танки в 10 (затем 20) танковых дивизий, оставив при этом сто дивизий своей пехоты без танков непосредственной поддержки. Советский Союз, официально сохраняющий строгий нейтралитет в начавшейся европейской войне, развертывал без малого полсотни танковых бригад для непосредственной поддержки пехоты и в то же время спокойно и уверенно создавал 9 мощнейших танковых «колунов», способных нанести «глубокие рассекающие удары» по любому противнику.

Два поколения советских (а теперь уже и российских) историков вели и ведут с советскими мехкорпусами 1941 года непримиримую борьбу. Оно и понятно: все эти годы официальная советская историческая наука, игнорируя очевидный и бесспорный факт беспримерного массового дезертирства, массовой сдачи в плен и перехода на сторону врага, должна была искать и находить все новые и новые «причины поражения Красной Армии в начальном периоде войны». Лучшие в мире танки (тяжелые КВ, средние Т-34, легкие БТ-7М) просто смешали с грязью (не на поле боя, разумеется, а на бумаге). Было «доподлинно установлено», что все эти танки были поломанные, безнадежно устаревшие, изношенные, с «ничтожным остатком» в 100–150 часов моторесурса (что, правда, означает 2000–3000 км пробега, достаточного для того, чтобы доехать от Белостока до Барселоны или Лиссабона). Шестеренки были слишком хрупкими, пальцы гусеничных траков – слишком мягкими, фильтры не фильтровали, перископы не перископили...

К счастью, борьба историков была бескровной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о том, что катастрофа 41-го года случилась из-за технической отсталости Красной Армии. Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «переворужить» советскую армию, да так, чтобы и друзья боялись. В результате Советский Союз рухнул и исчез с политической карты, имея на вооружении – кроме всего прочего – 30 тысяч лучших в мире танков.

Новое время – новые песни. Да и читатель нынче новый, молодой и гораздо более требовательный. Посему и нынешние продолжатели славных традиций советской историографии делают свое дело гораздо качественнее. Умнее. Они уже не «подставляют» себя заведомо ложными измышлениями о «многократном численном превосходстве вермахта», а предлагают образованному читателю чисто научные, со множеством «немецких» букв объяснения военной катастрофы 1941 года. Самый изящный (на мой, сугубо субъективный, взгляд) образец псевдонаучного замусоривания мозгов предложил публике А. Исаев. Примечательно, что в данном случае мое мнение полностью совпало с оценкой самого Махмуда Ахметовича! Товарищ М.А. Гареев недавно публично заявил: *«Если будут такие люди, как Алексей Исаев, наше дело небезнадежно!»* Будут, Махмуд Ахметович, будут. Не сомневайтесь. *Mala herba cito crescit* («сорная трава быстро растет»).

Начинает свои построения г. Исаев с абсолютно верного утверждения:

«...Не стоит преувеличивать роль техники... Истоки недоумения – «Как мы могли проиграть с такими хорошими «ишиши» (дикарские амулеты. – М.С.), как КВ и Т-34?» – именно в языческом преклонении перед божествами, трансформировавшемся в новейшей истории в преклонение перед техникой. Любая техника – это всего лишь бездушный механизм, который сам по себе не гарантирует успех или поражение».

Золотые слова. Золотые. Дальше – еще лучше:

«Основная ошибка, которую допускают, – это сравнение только танков противоборствующих сторон. Но сражения происходят не между толпами танков на заранее выбранном поле – воюют в реальности организационные структуры, сложные механизмы, собранные из разных родов войск. Танки в них – лишь один из составляющих «кубиков». Знаковый, но не единственно значимый... Обеспечение танковой дивизии непробиваемыми танками, конечно, хорошо, но это только полдела. Танки надо заправлять, чинить, снабжать боеприпасами, обеспечивать разведкой, артиллерийской и пехотной поддержкой... Но для всего этого нужна примерно равная подвижность «кирпичиков» мехсоединения, когда и танки, и артиллерия, и пехота, топливо, боеприпасы для них двигаются со сравнимой скоростью, обеспечивая самостоятельные действия в глубине обороны противника...» (33)

Как можно с этим не согласиться? С этим не согласиться нельзя. Очарованный таким серьезным разговором (и вправду диковинным на фоне общего пещерного уровня «традиционной» отечественной историографии войны), читатель не замечает, как его начинают легонечко сталкивать с верного пути в заранее подготовленную яму-ловушку: *«Можно и из хорошего кирпича сложить сарай или, напротив, создать шедевр архитектуры из посредственных строительных материалов».* Стоп – здесь уже явная передержка. Из плохих материалов (например, из миллиона томов произведений Гареева и Исаева) шедевр архитектуры не сложишь – сгниет от снега с дождем и рухнет. Это очевидно. Менее очевидно, но очень важно для дальнейшего изложения понимание того простого факта, что разные «кирпичики» предполагают и разную конструкцию здания (из кирпича складывают купольный свод, из деревянного бруса – двускатную крышу, из железобетонной панели – плоское перекрытие). Но тезис о возможности создания шедевров из посредственных стройматериалов очень нужен г. Исаеву – и вот для чего:

*«В середине 30-х в Германии был разработан принципиально новый организационно-штатный механизм для использования танков, который стал своего рода «мечом-кладенцом» вермахта в кампаниях 1939–1942 гг. Первый шаг к этому «мечу-кладенцу» был сделан 12 октября 1934 г., когда в Германии была завершена разработка схемы организации первой танковой дивизии. 18 января 1935 г. инспектор моторизованных войск генерал Лютиц выпустил приказ на формирование трех танковых дивизий. Этот день можно условно считать датой рождения нового механизма ведения войны. Они должны были комплектоваться жалкими Pz-I с двумя пулеметами, но на свет появилось сооружение, способное на нечто большее, чем просто взлом обороны противника. **Вместо Pz-I могли быть хоть автомашины, зашитые фанерой** (подчеркнуто мной. – М.С.) под танки. Произвести танки и наполнить форму соответствующим содержанием было уже делом техники и времени...» (67)*

Кто бы спорил – тот день, когда неизвестный древний китаец запустил в древнекитайское небо первую пороховую ракету, может считаться днем рождения космонавтики. Пилотируемый полет на Марс стал после этого всего лишь «делом техники и времени». Но, видимо, г. Исаев предлагает нам поспорить на тему о том, кто ближе подошел к пилотируемому полету на Марс: Америка, которая уже успешно отправляла своих астронавтов на Луну, Россия, которая серийно производит мощные (хотя еще и недостаточные для марсианской экспедиции) ракетоносители, или, скажем, Бирма, в которой дальше праздничных петард «техника и время» пока еще не продвинулись? В 1935 году в Германии родилась очередная бюрократическая бумажка, на которой были нарисованы квадратики со стрелочками, обозначающие полки и батальоны несуществующей танковой дивизии, вооружать которую предстояло фанерными макетами танков. Учебно-боевые танкетки Pz-I, как убедительно показал практический опыт войны в Испании, не только не были способны «на нечто большее, чем просто взлом обороны противника», но и вообще не годились для использования в качестве линейного танка. В Советском Союзе в это время было уже 3,5 тысячи танков с пушечным вооружением, а к концу 1935 года в Красной Армии было сформировано 18 танковых бригад. В чем же состоит то великое преимущество рожденной в Германии бумажки, в силу которого она весит больше, чем 3,5 тысячи танков? А вот в чем:

«Главное – новаторская идея использования танковых войск – уже было в наличии... В чем же была суть новшества? Создание организационной структуры, включающей танки, моторизованную пехоту, артиллерию, инженерные части и части связи, позволяло не только осуществлять прорыв обороны противника, но и развивать его вглубь, отрываясь от основной массы своих войск на десятки километров. Танковое соединение становилось в значительной мере автономным и самодостаточным... Танки становились стратегическим средством борьбы. Теперь появилась возможность реализации на практике «философского камня» военного искусства, проведение молниеносной войны против сильного противника...» (67)

Как говорил классик: «Остапа несло». Именно потому, что в Красной Армии была не только «новаторская идея», но и реально существующие танковые части и соединения, идею удалось проверить на практике. Получен ценный отрицательный результат: такие танковые соединения на такой материальной базе (легкие танки с противоснарядным бронированием и малокалиберным вооружением) не могут быть ни автономными, ни самодостаточными. Казало бы, точно такой же вывод следовало сделать и применительно к танковой дивизии вермахта. Без танков с нормальным артиллерийским вооружением и противоснарядным бронированием, без должного количества гусеничных тягачей для артиллерии и вездеходных транспортеров для солдат и боеприпасов немецкий «меч-кладенец» был бы еще более беспомощным в глубине обороны **упорно обороняющегося противника**, нежели советские танковые бригады. Высказать «новаторскую идею» о том, что все «кирпичики» ударного механизированного соединения должны обладать равной подвижностью, хорошо. Но мало. Надо еще эту идею реализовать материально-технически. Сделать это в полном объеме к 1941 году не

смог даже Советский Союз. Тем более не успела это сделать и гитлеровская Германия, которой история отпустила ничтожно мало времени (с 1935 по 1941 г.). Но г. Исаев объявил технику языческим идолом («шиши»), как выясняется, лишь для того, чтобы сотворить нового кумира из организационных структур! 48-тонный танк КВ объявлен жалким дикарским амулетом, зато бумажный листочек со схемой организационной структуры немецкой танковой дивизии – «философским камнем» и «мечом-кладенцом». Пренебрежительное замечание – *«обеспечение танковой дивизии непробиваемыми танками, конечно, хорошо, но это только полдела»* — оказалось всего лишь подготовительной ступенью к тому, чтобы объявить отсутствие в вермахте «непробиваемых танков» венцом дела.

И вот, наконец, появляется тот вожденный конечный пункт, к которому так затейливо вели читателя:

«В Киевском ОБО имеется 6 соединений, которые можно использовать как самостоятельные... В Одесском ВО – три. Итого 6 танковых и 3 моторизованные дивизии... Если мы сравним не брутто-количество танков противоборствующих сторон, а организационные структуры, то количество самостоятельных механизированных соединений Киевского ОБО, Одесского ВО и 1-й танковой группы вермахта вполне соразмерны друг другу. Остальной танковый парк советской стороны объединен в организационные структуры, не обладающие вследствие недостатка транспорта нужной подвижностью для ведения маневренной войны». (33, стр. 75)

5826 советских танков (в том числе 818 КВ и Т-34) = 728 немецким (из них 373 легкие танки и танкетки).

20 танковых + 11 моторизованных дивизий Красной Армии = 5 танковым + 3 моторизованным немецким дивизиям.

Что и требовалось доказать. Впрочем, на стр. 663, в завершение своей книги, г. Исаев объявляет, что и шести-то танковых дивизий в Красной Армии не было:

*«Если называть вещи своими именами, то эффективная организационная структура типа «танковая дивизия» у советской стороны отсутствовала. Наличие организационных структур с названием «танковая дивизия» не должно вводить в заблуждение – решать задачи самостоятельного танкового соединения они были неспособны... Дивизии эти **были перегружены танками** (подчеркнуто мной. – М.С.) и недогружены мотопехотой и артиллерией».* (33, стр. 663)

Феерическая фраза про «перегруженность танковых дивизий танками» могла бы показаться опечаткой (или намеренно выхваченным мною из текста книги Исаева неудачным выражением), если бы эта идея не проводилась настойчиво на десятках страниц. Мощнейшие танковые войска мира объявляются несуществующими только на том основании, что структура (соотношение числа танковых, артиллерийских, пехотных частей) танковой дивизии Красной Армии отличалась от соответствующей структуры немецкой танковой дивизии, причем последняя объявляется высшим идеалом, неким «золотым сечением», позволяющим творить чудеса:

*«...Немцы пришли к своему «золотому сечению» организации танковых войск: на 2–3 батальона танков в танковой дивизии вермахта было 4 (или 5, если считать с мотоциклетным) батальона мотопехоты... Именно **такая организация танковых войск позволила немцам** (подчеркнуто мной. – М.С.) **дойти до стен Москвы, Ленинграда и Киева...**»* (33, стр. 66)

Да, восхищение товарища Гареева можно понять – они его коллеги до такого за полвека не додумались... Вопрос о том, почему в 1941 году мехкорпуса Красной Армии не дошли до Берлина, Праги и Будапешта, г. Исаев в явном виде даже не обсуждает, но дает понять: не было у нас «золотого сечения». А без «сечения» да «кладенца» много не навоюешь:

«...С «золотым сечением» дела у советской танковой дивизии были откровенно плохи. Если сравнить танковую дивизию советского мехкорпуса и танковую дивизию вермахта, то видно, что, например, противотанковые орудия в советской дивизии отсутствуют вовсе, количество легких гаубиц в немецкой дивизии вдвое больше, полковых орудий в немецкой танковой дивизии больше в пять раз, минометов среднего калибра – почти в полтора раза. Но, конечно, наиболее ощутимой была разница в численности мотопехоты в сравнении с количеством танков... На 375 танков советской танковой дивизии приходилось примерно 3 тыс. человек мотопехоты, а на 150–200 танков танковой дивизии вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты... Поэтому немецкой танковой дивизии было легче и наступать и обороняться. У нее было больше пехоты, двигающейся вместе с дивизией и способной занять и удержать местность». (33. стр. 72)

Всю эту дискуссию можно было бы «закрыть» одним простым напоминанием о том, что и в Красной Армии была дивизия самого что ни на есть «золотого сечения». И не одна, а тридцать одна. Разумеется, речь идет о моторизованной дивизии штата июля 1940 г. Все в ней структурно точно так, как в танковой дивизии вермахта: один танковый, два мотострелковых и артиллерийский полк. На 3 батальона танков 6 батальонов мотопехоты. И отдельный дивизион ПТО в ней есть (36 противотанковых «сорокапятков»). И состав вооружения артиллерийского полка вполне сопоставимый. Одна беда – даже советская моторизованная (не говоря уже про танковую) дивизия штатно «перегружена» танками: 258 скоростных танков БТ-7 на 5904 человека в двух мотострелковых полках. Но если с самого начала полсотни «лишних» танков бросить на обочине, то и получится самый настоящий «меч-кладенец». С таким хоть на Москву, хоть на Берлин. Позволит дойти...

Фактически не только моторизованные, но и танковые дивизии Красной Армии к 22 июня 1941 г. не были, к огромному сожалению, «перегружены» танками. Несколько забегаю вперед в изложении исторических событий, отметим, что весной 41-го разворачивалось не 9, а 29 мехкорпусов, что и привело к огромной (огромной относительно штатного расписания, а не численности противника!) нехватке танков. Конкретно в составе 20 мехкорпусов (не считая формирующиеся 17 МК и 20 МК Западного фронта), принявших участие в боевых действиях первых недель войны, было порядка 12,5 тыс. танков, т. е. в среднем **по 208 танков** на одну (танковую или моторизованную) дивизию. Так называемые «безлошадные» (не получившие танков) танковые полки решено было временно вооружить пушками (24 «дивизионки» 76-мм +18 противотанковых 45-мм на один полк) на автомобильной (грузовики ГАЗ-АА и ЗИС-5/6) тяге. В результате фактический состав большей части советских танковых дивизий оказался перегружен артиллерией и недогружен танками. В лучшем «золотосеченном» виде...

Если бы г. Исаев сам верил в то, что он пишет (а не морочил голову доверчивым читателям по худшим рецептам психологической войны), то он бы начал с главного вопроса – настолько ли значим фактор организационной структуры, что не соответствующие некому произвольному нормативу («золотому сечению») танковые дивизии теряют свою боеспособность **до нуля?** Этот вопрос немедленно привел бы его к следующим: «А что делает батальон пехоты мотопехотным батальоном танковой дивизии? Утвержденная неким генералом «*схема организации*», или прежде всего и главным образом **реальное наличие транспортных средств**, позволяющих двигаться **с той же скоростью и той же проходимостью**, что и танки?» Включить в состав танковой дивизии можно что угодно. На бумаге. Не секрет, что накануне 22 июня 1941 г. немецкое командование включило в состав танковых групп вермахта пехотные дивизии. Не мотопехотные, а самые обыкновенные пехотные дивизии. С артиллерией на конной тяге и солдатами на двух ногах каждый. Чуда, однако же, не произошло, и через несколько дней безнадежно отставшая пехота не слышала даже грохота канонады ушедших на сотню километров вперед танковых дивизий.

Гораздо более разумным было принятое в Красной Армии (и в теории, и на практике) создание так называемых «конно-механизированных групп». Разумеется, речь идет не о том, чтобы вместе с танками атаковать конной лавой укрепленную полосу противника. Лошадь в кавдивизиях Второй мировой войны выполняла главным образом роль транспортного средства, повышающего подвижность соединения (в сравнении с обычной пехотой) во много раз. Непосредственно в бой кавалеристы шли, как правило, в пешем строю. Среди лесов и болот Белоруссии и северо-запада России советская кавалерия по своей подвижности как минимум не уступала немецкой мотопехоте. Двигаясь с темпом 50–60 км в день (что для конницы вполне доступно), кавалерийские дивизии могли не отставать от танков даже в условиях самого успешного, стремительного наступления. Конечно, никакая лошадь не может соревноваться с мотором в способности к непрерывному, многочасовому и многодневному движению. Следует принять во внимание и исключительную уязвимость конницы для ударов с воздуха. Разумеется, создание конно-механизированных групп было вынужденным паллиативом, но для того времени, когда ни гусеничных бронетранспортеров, ни даже сотни тысяч трехосных американских «студебекеров» с их фантастической проходимостью и надежностью в Красной Армии еще не было, объединение танковых и кавалерийских дивизий во временные оперативные группы было адекватным и достаточно эффективным решением. К слову сказать, даже в освобождении Праги в мае 1945 г. приняли участие девять (!) советских кавалерийских дивизий...

История с включением в июне 41-го пехотных дивизий в состав танковых групп вермахта является крайним примером бюрократического фетишизма. Но и в мотопехотных полках танковых и моторизованных дивизий вермахта проблема обеспечения хотя бы сопоставимой с танками проходимости не была решена. Основная масса этой пехоты передвигалась вовсе не на бронетранспортерах (как показывали в старом советском «кино про войну»), а на разномастных трофейных грузовиках и автобусах. Начальник генерального штаба вермахта Гальдер в своем знаменитом дневнике отмечает (запись от 22 мая 1941 г.), что в 17-й тд (2-я танковая группа Гудериана) насчитывается 240 разных типов автомашин. 17-й танковой дивизии предстояло начать наступление на правом фланге группы армий «Центр», среди болот белорусского Полесья. На такой местности трофейный бельгийский автобус или французский хлебный фургон быстро превращался из средства передвижения в предмет для толкания. 3-я танковая группа в первые дни войны двигалась по лесным дорогам южной Литвы. Там вроде бы песочек, а не болота. Тем не менее командующий группой Г. Гот описывает события второго дня войны так:

«Машины все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась... Пехотинцы и артиллеристы вынуждены были все время вытаскивать застрявшие машины... Для командования было настоящим мучением видеть, как задыхаются его «подвижные» войска...»

В полдень 23 июня танковый полк 7-й тд вышел на дорогу Лида – Вильнюс, колесные машины дивизии остались далеко позади...» (13)

20 июля 1941 года, после теплого летнего дождика, месяца за три до наступления настоящей осенней распутицы, Ф. Гальдер записывает в своем дневнике:

«...11-я танковая дивизия движется на Умань тремя подвижными эшелонами: 1) гусеничные машины с посаженной на них пехотой; 2) конные повозки с пехотой, которые следуют за гусеничными машинами; 3) колесные машины, которые не могут двигаться по разбитым и покрытым грязью дорогам и поэтому вынуждены оставаться на месте...»

Запись от 3 августа: *«Паришная погода! Сулившие вначале успех бои по окружению группировки противника (в районе Умани. – М.С.) задерживаются ливнями, которые повлекли за собой уменьшение подвижности моторизованных соединений...»*

Для реального обеспечения взаимодействия танков и мотопехоты 20 немецким танковым дивизиям 1941 года – наряду с самой «правильной» организационной структурой – нужно

было еще порядка 10 тыс. полугусеничных бронетранспортеров «Ханомаг» (Sd.Kfz. 251). Такого количества не было произведено и за пять лет войны (реальный выпуск на конец 1943 г. составил 6,5 тыс., в том числе **в 1939–1940 гг. – всего 569 единиц**). (80. стр. 262) Фактически к началу вторжения в СССР далеко не в каждой танковой дивизии вермахта была хотя бы одна мотопехотная рота, оснащенная штатным количеством (26 штук) бронетранспортеров. В скобках заметим, что корень «брон» в слове «бронетранспортер» применительно к Sd.Kfz. 251 скорее вводит в заблуждение. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на любую фронтовую фотографию «Ханомага» – не красочную иллюстрацию в журнале, а именно фотографию. Внимательно всмотревшись в фотографию, мы увидим поясные ремни сидящих в этом бронетранспортере солдат. И это не потому, что в вермахте служили 2-метровые гиганты, а потому, что борта у «Ханомага» были очень низкие и закрывали они от огня противника только нижнюю часть немецкой мотопехоты. А низкие они были потому, что платформа была высокая, а высокая платформа досталась ему в наследство от полугусеничного артиллерийского тягача Sd.Kfz-11, на шасси которого он и был сделан...

Разумеется, ехать на автобусе (даже если он и застревает на проселочных дорогах после первого же дождя) все равно гораздо быстрее и удобнее, нежели идти пешком. И при определенных условиях – главным из которых является отсутствие организованного сопротивления противника – мотопехотные подразделения могут не отрываться от танков, двигаясь по дорогам на самых обычных грузовиках. Правда, тут возникает другой вопрос: а нужно ли танковым соединениям в подобной ситуации стремительного рейда по тылам охваченного паникой противника «занимать и удерживать местность»? Или важнее удержать инициативу, мосты, переправы, узловые железнодорожные станции, передав следующей по следам танков пехоте обязанность собрать трофеи и согнать пленных в маршевые колонны?

«Только преследование может закрепить успехи, достигнутые в предыдущих боях. Поэтому каждый танковый командир должен стремиться продолжать наступление всеми боеспособными машинами и вести его до тех пор, пока хватает горючего... Только таким образом можно облегчить последующие бои или совсем их избежать... Каждая выигранная четверть часа ценна и может оказать решающее влияние на боевые действия» – так пишет Г. Гудериан, выдающийся теоретик танковой войны, многократно проверявший правоту своих теорий на практике. (16) С ним полностью согласен и Г. Гот: «Успех, достигнутый благодаря смелым и стремительным действиям танковых соединений, необходимо использовать для того, чтобы удержать за собой оперативную инициативу (а не местность. – М.С.). Сковывание подвижности танковых соединений, которая является их лучшей защитой, удержание их в течение длительного времени на одном месте противоречит самому характеру и назначению этого рода войск...» (13)

Скорее всего, и мифическая «перегруженность» советских танковых дивизий танками, равно как и «перегруженность» пехотой немецких танковых дивизий, и полное отсутствие танков в составе моторизованных дивизий вермахта **не было ни достоинством, ни недостатком**. Это их **особенности**, каковые должны были учитываться при разработке (а самое главное – при реализации) тактики применения этих соединений в бою и в операции. Вот и все. Нет никаких разумных оснований (кроме большого и бескорыстного желания придумать что-то новенькое в замену заезженным домыслам о «безнадежно устаревших советских танках») для того, чтобы объявлять несуществующими механизированные (танковые) соединения на том основании, что их организационная структура не соответствует какому-то высосанному из пальца «сечению».

Переходя от абстрактных схем и рассуждений к трагической реальности июня 1941 г., мы вынуждены констатировать **самый главный факт**: ни одной танковой дивизии, ни одному мехкорпусу Красной Армии не пришлось в ходе стремительного наступления оторваться от собственной «тихоходной» пехоты. Ни одному и ни одного раза. Пехоты при этом было очень

много, часто танковые подразделения вели бой в сплошном «окружении» беспорядочно отступающей пехоты. Никакого взаимодействия – за редкими счастливыми исключениями – налажено не было, но «схемы организации» и пресловутые «золотые сечения» ко всему этому никакого отношения не имели:

«...в связи с отходом стрелковых частей 4СК вся тяжесть боевых действий легла на части 11МК, как по прикрытию отхода частей стрелкового корпуса, так и задержке продвижения немцев...

... 795-й стрелковый полк 228-й стрелковой дивизии, оторвавшись от дивизии, отходил в беспорядке в восточном направлении. 228-я стрелковая дивизия и ее 485-й гаубичный артиллерийский полк без предупреждения оставили фронт и в беспорядке отошли, полностью открыв наш левый фланг. В такой обстановке 43-й танковая дивизия вступила в бой без достаточной рекогносцировки и увязки взаимодействия с артиллерией и соседями...

...в дальнейшем 12 МК десятки раз вел частые контратаки и в основном вынес на себе всю тяжесть по прикрытию войск 8-й армии при ее непрерывном отходе на север. Корпус, жертвуя собой, спасал пехоту от полного уничтожения и разгрома. Задачу выполнил хорошо, но сам обескровлен и требует немедленного отвода в тыл и доукомплектования...

...в 10 часов 32-я танковая дивизия получила приказ командира 4-го механизированного корпуса, по которому дивизия должна была развить удар 6-го стрелкового корпуса в его наступлении, но штаб 6-го стрелкового корпуса поставил танковой дивизии самостоятельную задачу – атаковать в направлении сильно укрепленного противотанкового района с наличием реки и болотистой местности, не поддержав действий дивизии ни пехотой, ни артиллерией...

...группа танков капитана Карпова в 20 часов атаковала противника в направлении Олышанка, но, не поддержанная пехотой, в 23 часа отошла. В течение последующего дня группа вела непосильный бой в этом же районе и в результате бегства с фронта 32-го мотострелкового полка была уничтожена и оставлена на поле боя, за исключением одного танка...

...на всем протяжении боевых действий обеспечение стрелковых частей абсолютно не было организовано, а поэтому для того, чтобы удержать пехоту хотя бы на первый период боя, на танковых начальников ложилась обязанность из своих средств обеспечивать ее продовольствием и огнеприпасами. Все вышеизложенные причины делали пехоту неустойчивой, и при малейшем натиске противника она, как правило, в панике отходила, оставляя на поле боя одни танки...

Особого внимания заслуживает последний из вышеприведенных отрывков из боевых донесений командиров танковых соединений Красной Армии (это строки из доклада командира 1-й танковой дивизии, Героя Советского Союза, участника войны в Испании и Финляндии генерала В.И. Баранова). (81) Оказывается, для стопроцентно «золотого сечения» в организационных структурах Красной Армии образца лета 1941 года важно было отметить место кухни и запасов перловой каши, без каковой «удержать пехоту хотя бы на первый период боя» не представлялось возможным...

Вторым по счету «обвинением» г. Исаева в адрес структуры советских танковых дивизий является «недогруженность» их артиллерией (в том числе – полное отсутствие противотанковой артиллерии). Вот это уже серьезно, и такой недостаток (если только он существует на самом деле!) в разряд «особенностей» не спишешь. Тактика применения танковых соединений не может строиться в расчете на один только психологический эффект от появления грохочущей стальной лавины. Серьезные планы Большой Войны не разрабатывают в надежде «взять на понт». И товарищ Сталин это отлично понимал. Еще 17 апреля 1940 г. он говорил своим военачальникам: «Фокус – хорошее дело – хитрость, смекалка и прочее. Но на фокусе прожить невозможно. Раз обманул – зашел в тыл, второй раз обманул, а третий раз не

обманешь. Не может армия отыгаться на одних фокусах...». (68) Сушая правда – армия (и танковые соединения в том числе) должна быть готова не только гнать бегущих, но и вести бой с упорно обороняющимся противником. А для этого одной смелости мало, нужна еще подавляющая огневая мощь. Как в Уставе сказано: «Бой является в значительной части огневым состязанием борющихся сторон» (ПУ-39, ст. 19).

Каким же образом г. Исаев доказывает «недогруженность» советских танковых дивизий артиллерией? С ловкостью «наперсточника» он подменяет действительно важную категорию «огневая мощь дивизии» отнюдь не тождественным ей понятием «количество стволов буксируемой артиллерии» (*«количество легких гаубиц в немецкой дивизии вдвое больше, полковых орудий в немецкой танковой дивизии больше в пять раз, минометов среднего калибра – почти в полтора раза»*). Но мы не будем, конечно, поддаваться столь примитивному надувательству и в очередной раз воспользуемся карандашом и исправным калькулятором:

калибр орудия, мм	танко- вые 37	танко- вые 45/50	танко- вые 76/75	поле- вые 76/75	гауби- цы 122/105	гауби- цы 152/150
совет- ская тд	0	104	273	4	12	12
немец- кая тд	61	42	26	20	24	16

Примечание: количество танковых орудий различных калибров для «немецкой тд» приведено как среднестатистическое по 17 танковым дивизиям вермахта на Восточном фронте 22 июня 1941 г.

Итак, что мы видим? Огневая мощь советской танковой дивизии огромна, и она **сосредоточена в вооружении самих танков**. А это значит, что большая часть артиллерийских стволов советской танковой дивизии закрыта броней, движется на вездеходном гусеничном шасси танка и поэтому имеет возможность расстреливать огневые точки противника прямой наводкой, с предельно близкого расстояния, т. е. с максимальной эффективностью. Говорить о том, что *«полковых орудий в немецкой танковой дивизии больше в пять раз»*, просто смешно, учитывая, что точно такие же «трехдюймовки», но в количестве 273 единиц находятся в броневых башнях танков КВ и Т-34. По той же самой причине – наличие 273 танковых орудий калибра 76 мм, способных (повторим это еще раз) пробить лобовую броню любого немецкого танка на километровой дальности, – в составе советской танковой дивизии не нашлось места для противотанкового дивизиона. Советская танковая дивизия «недогружена» малокалиберными противотанковыми пушками по той же причине, по которой всякий здоровый человек «недогружен» костылем и деревянным протезом.

Из разных материалов строят разные по конструкции здания. Летом 41-го единственным в вермахте типом танка с «трехдюймовой» пушкой по-прежнему оставался Pz-IV. Эти «тяжелые» танки были распределены в количестве 10 штук на каждый танковый батальон, соответственно 20 или 30 штук на танковую дивизию. Всего в составе 17 танковых дивизий, с которыми вермахт 22 июня 1941 г. начал «восточный поход», было:

- 439 танков Pz-IV, вооруженных 75-мм пушкой;
- 707 танков Pz-III с 50-мм пушкой и
- 1039 танков с почти бесполезной для борьбы с пехотой 37-мм пушкой (Pz-III ранних серий и чешские Pz-38(t)).

Еще 1081 танк армии вторжения был вооружен 20-мм пушкой или одними только пулеметами. Вот так «на Гитлера работала вся Европа...». Неудивительно, что в попытке хоть чем-то компенсировать очевидную слабость вооружения немецких танков, две трети которых летом 41-го года были вооружены малокалиберными пушками (37-мм или даже 20-мм), командование вермахта включило в состав танковой дивизии полноценный артиллерийский полк, число орудий в котором приближалось к численности артполка пехотной дивизии (в которой, напомним, было 36 гаубиц калибра 105 мм и 18 артсистем калибра 150 мм). Но и эта попытка срав-

няться по огневой мощи с танковой дивизией Красной Армии, вооруженной значительно большим числом несравненно лучших танков, оказалась несостоятельной. Что отчетливо видно из приведенной ниже таблицы веса совокупного залпа:

пушки (гаубицы)	танковые 37-мм	танковые 45/50-мм	танковые 76/75-мм	Итого танковые пушки	полевые 76/75-мм	гаубицы 122/105	гаубицы 152/150	ВСЕГО
советская тд	0	208	1693	1901	25	260	480	2670
немецкая тд	44	76	151	271	124	360	688	1443

Якобы «недогруженная артиллерией» советская танковая дивизия по своей огневой мощи почти в два раза превосходит

немецкую танковую дивизию, причем 71 % совокупного залпа советской дивизии приходится, говоря современным языком, на «высокоточное оружие» (стреляющие прямой наводкой танковые пушки, наводчик которых надежно прикрыт стальной броней). По весу совокупного залпа танковых орудий советская танковая дивизия превосходит немецкую **в семь раз**. А это уже такое количество, которое могло бы создать новое качество. Вот как об этом докладывал на декабрьском (1940 г.) Совещании высшего комсостава «главный танкист» Красной Армии (начальник Главного автобронетанкового управления) Д. Павлов:

«...Если для подавления одного пулеметного гнезда в полевой обстановке требуется 120 снарядов 76-мм или 80 снарядов 122-мм гаубицы, то я прошу вас подсчитать, сколько потребуется танку выстрелов для того, чтобы уничтожить одно пулеметное гнездо? Или ни одного, или с дистанции 1–1,5 км 2–3 снаряда. Для уничтожения пушки ПТО, как правило, применяется 122-мм гаубица. Нужно 70–90 снарядов. Я спрашиваю вас: сколько потребуется тяжелому танку снарядов для того, чтобы подавить одну пушку ПТО? Или ничего, или один выстрел... Я утверждаю, что наличие большого количества тяжелых танков сильно поможет артиллерии в ее работе и сократит расход снарядов...» (14)

Приведенные выше показатели огневой мощи относятся к полностью укомплектованной по штатному расписанию танковой дивизии. Но в начале войны таких дивизий не было. Ни одной. Принятое в феврале-марте 1941 г. решение о развертывании 29 мехкорпусов привело к формированию десятков новых танковых и моторизованных дивизий, общее количество которых к началу войны выражалось немыслимым ни для одной страны мира числом 92 (61 танковая и 31 моторизованная). Имевшиеся на вооружении Красной Армии танки были «размазаны» по десяткам дивизий, в результате чего большая часть дивизий и мехкорпусов были «недогружены» танками, особенно – новых типов (КВ, Т-34), вооруженных 76-мм орудием. Как следствие, реальная огневая мощь дивизии оказалась меньше расчетной. Не будем, однако же, упускать из виду (а советские «историки» были очень склонны к этому), что воевать предстояло не с канцелярскими «процентами от штатной численности», а с противником. Соответственно и мощность вооружения советских механизированных соединений следует сопоставить с аналогичными характеристиками танковых соединений вермахта, а вовсе не с написанным в высоких штабах штатным расписанием.

Корректное сравнение достаточно не просто. Что с чем сравнивать? Если летом 1941 г. на Восточном фронте встретились 17 танковых дивизий вермахта и 20 мехкорпусов Красной Армии, если фактически танковой дивизии вермахта ставились такие же задачи, какие на другой стороне фронта поручалось решить мехкорпусу, то не будет ли уместным сравнивать количественные показатели именно этих соединений? Результат сравнения показателей огневой танковой дивизии вермахта с мехкорпусом Красной Армии очевиден. Разумеется, корпус будет мощнее – по всем параметрам. Не будем даже утомлять читателя столь очевидной арифметикой. Среднестатистический мехкорпус (из числа тех 20, которые приняли участие в боевых действиях первых недель войны) имел в своем составе 100 танков, вооруженных 76-мм пуш-

кой (Т-28, Т-34, КВ, Т-35), и порядка 500 легких танков, вооруженных 45-мм пушкой. Состав артиллерийского вооружения в среднем составлял не менее половины от штатной, т. е. порядка 20 гаубиц калибра 122 мм и 18 гаубиц калибра 152 мм на один мехкорпус. Вооруженный таким образом мехкорпус по числу танков – в три раза, а по совокупному весу артиллерийского залпа – в два раза превосходил немецкую танковую дивизию. И по средней численности личного состава (25,5 тыс. человек по состоянию на 1 июня 1941 г.) неукomплектованный мехкорпус вдвое больше полностью укомплектованной танковой дивизии вермахта.

И тем не менее, скажет самый требовательный читатель, «ни один род войск не заменяет другой». Спорить с этим не приходится. К сожалению, приходится спорить, доказывая тот очевидный факт, что отсутствие полноценного гаубичного полка в структуре советской танковой дивизии не говорит еще об отсутствии такового полка на поле боя. Для того чтобы тяжелый гаубичный полк поддержал своим огнем наступление танковой дивизии, совсем не обязательно навечно включать его в «организационную структуру», каковую г. Исаев предлагает превратить в предмет языческого культа. Достаточно того, чтобы этот полк существовал в реальности и имел средства мехтяги, позволяющие ему двигаться вслед за танками.

Отдельные тяжелые артиллерийские полки (корпусные и полки РГК) в Красной Армии были. Гусеничных тягачей (или, в худшем случае, тракторов) даже до начала открытой мобилизации было уже больше, чем орудий. Большая часть от общего числа в 94 корпусных полка и 74 полка РГК к июню 41-го уже находилась в западных приграничных округах. В Западном и Киевском округах к началу войны количество корпусных полков (КАП), даже не считая артполки РГК, превосходило общее количество корпусов, так что для того, чтобы передать в оперативное подчинение командиру мехкорпуса тяжелый гаубичный полк, вовсе не требовалось «разоружать» соседний стрелковый корпус.

	стрелковые корпуса	механизир. корпуса	КАП	Артполки РГК
Прибалтийский ОВО	семь	два	8	3
Западный ОВО	восемь	четыре	15	10
Киевский ОВО	одиннадцать	восемь	22	13
Одесский ВО	три	два	4	2

Использование этих артполков во взаимодействии с танковыми (механизированными) соединениями было вполне нормальной, штатной схемой взаимодействия. Артиллерийские полки и отдельные дивизионы РГК именно для того и передавались в оперативное подчинение командующих фронтами и армиями, чтобы мощным огнем смерчем поддержать наступление своих войск на направлении главного удара. Что касается состава, структуры и вооружения корпусных артполков и полков РГК, то они были самыми разными. Как минимум эти полки могли быть вооружены 152-мм гаубицами. В таком случае в составе четырех дивизионов артполка насчитывалось 48 орудий, и по весу совокупного залпа (1920 кг) уже один такой полк значительно превосходил немецкую танковую дивизию. Два корпусных полка (например, приданные в первые дни войны 4-му мехкорпусу 441-й и 445-й, вооруженные новейшими 152-мм пушками-гаубицами МЛ-20) могли и должны были смести с лица земли все живое в полосе прорыва мехкорпуса.

152-мм гаубицами корпусных артполков наличный состав артиллерии первого эшелона войск Юго-Западного фронта отнюдь не исчерпывался. Так, в г. Дубно (а именно этому старинному городу, у стен которого Тарас Бульба порешил собственного сына, предстояло стать эпицентром грандиозного танкового сражения в Западной Украине) дислоцировался 330-й гаубичный полк РГК. Полк был вооружен 203-мм гаубицами да еще дополнительно получил накануне войны 24 гаубицы калибра 203-мм. (90) В целом войска Киевского ОВО (Юго-Западного фронта) к началу июня 1941 г. имели 192 гаубицы такого калибра. Эта артсистема стреляла 100-кг снарядом (что соответствует весу наиболее массовой фугасной авиабомбы) на дальность в 18 км. 20 залпов 330-го ГАП соответствовали массированному налету бомбарди-

ровочного авиаполка. Нехватка средств мехтяги никакого практического значения для 330-го ГАП не имела, поскольку танковые (а затем и пехотные) дивизии противника сами пришли к г. Дубно. И если бы, как без тени смущения утверждает г. Исаев, *«несмотря на значимость качеств танков (и вправду, зачем придавать большое значение некоторой разнице в «качестве» немецких танкеток и советских КВ?), ход сражения механизированных соединений определялся результатами артиллерийской дуэли»*, то исход сражения у Дубно был бы предрешен – один только 330-й ГАП по огневой мощи превосходил две танковые дивизии вермахта.

В реальности 11-я танковая дивизия вермахта заняла 25 июня 1941 г. Дубно, даже не заметив существования 330-го гаубичного артполка РК. Никакого участия полсотни мощнейших гаубиц не приняли и в дальнейших боях в окрестностях Дубно, которые вели части 43-й, 12-й и 34-й танковых дивизий Красной Армии. Почему? Помешало недостаточно «золотое сечение» оргструктур? Отсутствие тягачей? Внезапность вероломного нападения?

«...Не изжиты еще случаи паники, трусости, неорганизованности и дезертирства. Эти позорные явления имеют место в ряде частей фронта. Масса бойцов и командиров группами и поодиночке, с оружием и без продолжают двигаться по дорогам в тыл и сеять панику. Так, командир 330-го тяжелого артполка РК и батальонный комиссар во время налета немецкой авиации на Дубно и мнимого движения танков противника приказали бросить материальную часть, имущество и выступить из города. Уже в пути командиры предложили возвратиться и забрать материальную часть и боеприпасы. Не дойдя 1,5 км к брошенному имуществу, командир полка принял разрывы снарядов нашей зенитной артиллерии за парашютистов (этими «парашютистами» и по сей день наполнена отечественная военно-историческая литература. – М.С.) и приказал вернуться назад...»(92)

Еще одной печальной реальностью июня 41-го была ситуация, когда не тяжелые артполки передавали в оперативное подчинение танковых командиров, а, напротив, мехкорпуса раздирали на части, передавая входящие в их состав дивизии в подчинение командиров стрелковых корпусов. Едва ли такое «оперативное искусство» было оптимальным способом использования механизированных соединений, но зато мифическая проблема «недогруженности» советских танковых соединений пехотой и артиллерией решалась при этом самым радикальным образом.

Например, в 100 км к северу от Дубно, в полосе Владимир – Волынский – Ровно разрывался 22-й мехкорпус.

В его состав входили две танковые дивизии: 19-я и 41-я. 19-я тд свой первый и фактически последний бой (после которого от дивизии остался номер, раненый командир, 4 танка и два батальона мотопехоты) провела 24 июня у поселка Войница (на шоссе Вл. – Волынский – Луцк) в составе оперативной группы 27-го стрелкового корпуса. Корпусу было придано два артполка: 21-й (48 гаубиц-пушек МЛ-20 калибра 152 мм и 20 дальнобойных пушек калибра 122 мм) и 460-й корпусной артполк, которые теоретически должны были бы обеспечить подавляющее огневое превосходство над противником (14-я танковая дивизия вермахта). Более того, на том же шоссе и в том же районе вела бой с немецкими танками полнокомплектная 1-я противотанковая артбригада РК (120 пушек калибра 76 мм и 85 мм). В скобках отметим, что после этого и многих-многих последующих боев к 6 сентября 1941 г. безвозвратные потери 14-й танковой дивизии вермахта составили 27 танков (6 Pz-IV, 17 Pz-III и 4 Pz-II), кроме того, 18 танков были временно неисправны. (10. стр. 206)

В 41-й танковой дивизии 22-го мехкорпуса изначально было необычно много танков (425 единиц), в том числе – 31 танк КВ-2, вооруженный 152-мм гаубицей (была и такая, достаточно редкая, модификация этого тяжелого танка).

С учетом 4 буксируемых гаубиц калибра 152 мм (дивизия была недоукомплектована до штатной численности) и 12 гаубиц калибра 122 мм в артиллерийском полку – и даже не принимая в расчет сотни 45-мм танковых пушек – по весу артиллерийского залпа (1660 кг) 41-я тд превосходила любую немецкую танковую дивизию. Действовала же (точнее говоря – блуж-

дала по заболоченным лесам украинского Полесья) эта дивизия, будучи передана в оперативное подчинение 15-го стрелкового корпуса, артиллерия которого (опять же не считая полторы сотни дивизионных пушек калибра от 45 мм до 107 мм) насчитывала 60 гаубиц калибра 122 мм и 67 гаубиц калибра 152 мм. А. Исаев сопровождает эти гигантские показатели огневой мощи таким «научным» комментарием: *«15-й стрелковый корпус обладал довольно скромными боевыми возможностями, соответствующими одной усиленной немецкой пехотной дивизии...»* (33. стр. 235). Такая оценка вполне соответствует научной школе товарища Гареева, основанной на использовании поломанных арифмометров, но исправный калькулятор сообщает, что по огневой мощи (вес совокупного артиллерийского залпа 4580 кг) 15-й СК в 3,3 раза превосходил штатно укомплектованную пехотную дивизию вермахта. Что такое «усиленная дивизия» – судить не берусь...

Настоящая глава была уже закончена, когда мне попала на глаза следующая информация:

«23 ноября в РГГУ в рамках университетского проекта «Высшая школа политики» состоялась публичная лекция военного историка, писателя Алексея Исаева на тему: «Политический аспект в фальсификациях истории».

...На примере интерпретаций истории ВОВ лектор рассказал о существующих технологиях фальсификации и политических причинах этого явления ...»

Что ж, нам остается только позавидовать студентам и преподавателям РГГУ: они получили возможность услышать рассказ о грязном ремесле фальсификации истории, а самое главное – о политических причинах этого явления – из уст одного из ведущих мастеров этого жанра...

Глава 5 Загадочный МП-41

Возвращаясь от схем организационных структур к реальным историческим событиям, мы обнаруживаем, что весной-летом 1940 года в персональном составе высшего военного руководства СССР произошли большие перемены. Точнее будет сказать: завершилась крупномасштабная «смена поколений», начавшаяся в 1937 году. Прежние руководители, выдвинувшиеся в годы Гражданской войны, были либо физически уничтожены (Белов, Блюхер, Дыбенко, Дубовой, Егоров, Примаков, Тухачевский, Уборевич, Федько, Якир), либо оттеснены на формально почетные, но второстепенные роли (Апанасенко, Буденный, Ворошилов, Городовиков, Кулик, Тюленев). 8 мая 1940 г. Клим Ворошилов, «первый красный офицер», был смещен с поста наркома обороны СССР. На место, которое 15 лет бессменно занимал этот политкомиссар Гражданской войны, был назначен С.К. Тимошенко, командир с большим боевым опытом. В годы Первой мировой войны Тимошенко был рядовым пулеметчиком, в Гражданскую командовал кавалерийскими дивизиями (6-й, а затем 4-й), во время короткой войны с Польшей (сентябрь 1939 г.) он был командующим Украинским фронтом. 7 января 1940 г. Тимошенко был назначен командующим Северо-Западным фронтом, развернутым на Карельском перешейке. Под его личным руководством была проведена грандиозная – как по количеству привлеченных войск (21 стрелковая дивизия, 8 танковых бригад, 13 арtpолков РК, 40 тыс. автомобилей, 7,1 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. танков), так и по числу потерь (40 тыс. убитых, 150 тыс. раненых) – операция по прорыву «линии Маннергейма». В августе 1940 г. новым начальником Генерального штаба Красной Армии стал К.А. Мерецков. Достаточно молодой (43 года) генерал армии успел уже послужить военным советником при начальнике Генерального штаба Испанской армии, заместителем начальника Генштаба Красной Армии, командующим войсками Ленинградского ВО. Именно он руководил оперативным планированием войны с Финляндией и подготовкой театра военных действий, а с началом наступления командовал войсками самой крупной 7-й Армии. 1 февраля 1941 г. руководство Генерального штаба снова сменилось – начальником Генштаба стал Г.К. Жуков, в активе которого уже была успешно проведенная операция по разгрому японских войск в монгольских степях у реки Халхин-Гол.

Дней через 10 после своего назначения на пост начальника Генштаба Жуков совместно с Тимошенко подписывает документ исключительной важности и высшей категории секретности: мобилизационный план 1941 года («Схема мобилизационного развертывания Красной Армии»), кратко именуемый «МП-41» (точная дата подписания документа неизвестна, обычно он датируется как «не позднее 12 февраля 1941 г.»). Кроме самих составителей документа, его должны были увидеть еще два человека: Сталин и Молотов, которых военные в конце докладной записки просили *«утвердить количество формирований и общую численность Красной Армии, развертываемой по мобилизационному плану 1941 года»*. (4. стр. 651) На полусотне страниц новые руководители военного ведомства просуммировали все, что, по их мнению, было нужно Красной Армии для того, чтобы она могла на деле стать *«самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»*. В частности, ударная компонента – танковые войска – должна была увеличиться в ТРИ РАЗА. По плану МП-41 должно было быть сформировано **30 (тридцать) механизированных корпусов**, т. е. 60 танковых и 30 моторизованных дивизий. Необходимое для развертывания Красной Армии количество бронетанковой техники и гусеничных тягачей было определено такими цифрами:

- 3907 тяжелых танков (главным образом КВ и 56 пятибашенных Т-35);
- 12 843 средних танка (главным образом Т-34 и 411 трехбашенных Т-28);
- 10 942 легких танка БТ;
- 5118 легких танков Т-26 (в том числе 3546 огнеметных);
- 4069 плавающих танков Т-37/38/40;

всего **36 879 танков.**

– 6373 средних бронеавтомобиля (пушечные БА-10, БА-11);

– 4306 легких бронеавтомобилей (пулеметные БА-20);

всего **10 679 бронеавтомобилей.**

– 2693 тягача «Ворошиловец»;

– 25152 тягача С-2 и «Коминтерн»;

– 7802 бронированных тягача ПТО «Комсомолец»;

– 55 200 тягачей СТЗ-5 и тракторов;

всего **90 847 тягачей и тракторов.**

Подробно сравнивать ЭТО с количественными параметрами вооружения других армий мира излишне. В любой стране начальник Генштаба, запросивший 37 тыс. танков и 11 тыс. бронемашин, был бы немедленно освобожден от своей работы и отправлен на лечение. Главный потенциальный противник СССР, гитлеровская Германия (уже находящаяся в состоянии войны с Британской империей и стоящей за ее спиной мощнейшей индустриальной державой мира – США) в июне 1941 г. имела всего 6,58 тыс. танков и самоходных орудий всех типов (включая 1137 пулеметных танкеток Pz-I). Всего – т. е. на всех фронтах (а не на одном только Восточном фронте), в резерве, на ремонтных базах, в учебных заведениях, во вновь формирующихся в глубоком тылу частях и т. п. Лишь осенью 1944 г. количество танков и самоходных орудий, находящихся на вооружении вермахта, перевалила за отметку в 10 тыс. единиц. За все время пребывания Гитлера у власти было произведено 4,3 тыс. бронеавтомобилей всех типов (абсолютное большинство которых вооружалось обычным пулеметом ружейного калибра, т. е. относилось, по меркам Красной Армии, к категории «легких»), в том числе – порядка 1,5 тыс. до конца 1940 г. Полугусеничных артиллерийских тягачей всех типов – опять же за все время существования гитлеровского режима – было выпущено 38,3 тысячи. Жуков с Тимошенко хотели одномоментно иметь 35,7 тыс. специализированных артиллерийских гусеничных тягачей и еще 55 тысяч легких СТЗ-5 и тракторов!

Прервем на время утомительный поток цифр и зададим самый простой и самый значимый вопрос: «Зачем?»

Зачем, для выполнения каких задач создавались такие циклопические вооруженные силы? На просторах каких стран и континентов могли развернуться для нанесения «глубоких рассекающих ударов» тридцать мехкорпусов по тысяче танков в каждом? Считалось, что для проведения крупной фронтовой наступательной операции надо иметь 2–3–4 мехкорпуса. По принятому летом 40-го г. плану развертывания мехкорпусов (как уже было отмечено в предыдущей главе) в Западном ОВО формировалось два мехкорпуса, в Киевском – три. Понятные количества, достаточные для проведения двух крупных фронтовых операций. Но зачем же тридцать мехкорпусов? Неужели Жуков с Тимошенко планировали проведение 6–7 широкомасштабных стратегических операций одновременно? Конечно, звание «самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий» обязывает, но надо бы и меру знать...

План мобилизационного развертывания является, конечно же, важным документом, но и он, по сути дела, служит лишь дополнением к определяющему все остальное оперативному плану. Поясним эту мысль простым, бытовым примером. Нормальные туристы сначала решают вопрос о том, кто, куда и на сколько дней идет. После этого и на основании этого решения составляют список потребного количества рюкзаков, шампуров, палаток, байдарок и пр.

МП-41 рассекречен и опубликован. Об оперативных же планах высшего военно-политического руководства СССР нам остается только строить более или менее правдоподобные догадки. Мы не знаем, куда, когда и зачем собиралась идти Красная Армия. МП-41 можно сравнить с «тенью от пролетевшей гигантской птицы». Мы не увидели (и, скорее всего, никогда уже не увидим) эту птицу, но по размерам тени можем судить о размахе ее крыл. Переходя от сложных метафор к простым и доступным фактам, мы должны обратить внимание на две опе-

ративно-стратегические игры на картах, проведенные 2–11 января 1941 г. под общим руководством наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Мерецкова. Фронтами условных противников командовали Г.К. Жуков, Д.Г. Павлов, Ф.И. Кузнецов, на тот момент – реальные командующие войсками трех важнейших приграничных округов (Киевского, Западного и Прибалтийского).

В первой игре отрабатывалась наступательная операция «восточных» на территории Восточной Пруссии и Польши, в полосе от Варшавы до Кенигсберга, во второй игре – наступление «восточных» с рубежа рек Висла и Дунаец (южная Польша) на Краков – Будапешт – Тимишоара. Боевые действия на собственной территории с целью отражения агрессии **не были интересны советскому руководству даже как тема для оперативной игры**. Подробный анализ январских (1941 г.) игр выходит за рамки нашей темы. Отметим лишь один, но весьма примечательный момент: ход игр был привязан к конкретным числам августа (правда, неизвестно какого года), а не к условным «первый день операции», «второй день операции» и т. д. (37) Главное же, что нас интересует в январских играх, – это состав группировок противоборствующих сторон.

В первой игре «восточные» располагали 9 танковыми и 4 моторизованными дивизиями (т. е. четырем мехкорпусам и одной отдельной танковой дивизией) и 15 танковыми бригадами непосредственной поддержки пехоты. Всего у «восточных» было **8811 танков**. Противник («западные») имел в составе своей группировки 3 танковые дивизии и 6 танковых бригад (соединение, которого в вермахте фактически не существовало), на вооружении которых почему-то оказалось невероятно большое число танков – 3512 (в среднем по 600 танков на одну «расчетную танковую дивизию», т. е. в три раза больше реального числа танков в танковой дивизии вермахта). Начав наступление 5 августа с рубежа реки Неман, «восточные» продвинулись вперед, но завязли на долговременных укреплениях «западных» и поставленную задачу – к 3 сентября выйти на рубеж реки Висла от Варшавы до Балтики – не выполнили.

Гораздо успешнее развивалось наступление «восточных» во второй игре. С 12 по 20 августа они «окружили» и частично «уничтожили» основные силы «западных», «юго-западных» и «южных» (нетрудно догадаться, что имелись в виду войска немецкой, венгерской и румынской армий). «Восточные» заняли Катовице (Польша), Кошице (Словакия) и развивали прорыв на Будапешт. Игра была остановлена гораздо раньше запланированного срока окончания операции (16 сентября), так как сокрушительный успех «восточных» стал уже совершенно очевиден. Этот успех «восточные» достигли в следующей группировке: 4 мехкорпуса, 2 отдельные танковые дивизии, 12 танковых бригад, 81 стрелковая и 6 кавалерийских дивизий. У «восточных» было **8840 танков**, что вполне соответствует штатной численности указанных соединений. В составе войск «противника» было 100 пехотных и 4 кавалерийские дивизии, 5 танковых дивизий (что, по странному совпадению, точно соответствует реальному числу танковых дивизий вермахта, которые 22 июня 1941 г. были в составе группы армий «Юг»), в которых опять же обнаружилось невероятное количество танков – 3311. (37)

Таким образом, «восточные» более или менее успешно громили противника на «чужой земле», имея в своем составе примерно 20–25 «расчетных» танковых и моторизованных дивизий (принимая 2 бригады за одну дивизию). И это при том, что по условиям игры танковый парк противника был завышен в несколько раз. Как видим, ход и исход январских игр не дает никакого вразумительного ответа на вопрос о том, для чего потребовалось срочно принимать решение о развертывании 30 мехкорпусов в составе 60 танковых и 30 моторизованных дивизий.

Еще более показательным является опыт реальной войны и реальных наступательных операций 1944–1945 годов, в ходе которых Красная Армия дошла и до Кракова, и до Будапешта, и до Берлина. Численность танков и САУ, стоящих на вооружении Красной Армии (включая и временно неисправные машины!), по состоянию на 1 января 1943, 1944 и 1945

годов составляла соответственно 8100, 5800, 8300. **В пять-шесть раз меньше**, чем требовали составители МП-41. На заключительном этапе Великой Отечественной войны крупным танковым соединением, аналогичным мехкорпусу образца 1940 г., стали танковые армии (аналогами танковых и моторизованных дивизий 40—41-х годов стали танковые и механизированные корпуса). В состав танковой (гвардейской танковой) армии 44-го года входили, как правило, два танковых (по 258 танков и САУ в каждом) и один механизированный (246 танков и САУ) корпус, отдельные артиллерийские полки и бригады, части боевого обеспечения. По сравнению с мехкорпусом 1940 года танков в танковой армии стало немного меньше (800 против 1031), личного состава – в полтора раза больше, артиллерии и минометов – во много раз больше. (38, стр. 26) Полной укомплектованности танками – даже перед началом крупнейших стратегических наступательных операций – никогда не было. Так, перед началом Берлинской операции в составе четырех танковых армий (1-я, 2-я, 3-я, 4-я Гвардейские танковые) числилось соответственно 709, 672, 572 и 395 танков. Возвращаясь в район «боевых действий» второй стратегической игры января 1941 г., мы можем отметить, что Львовско-Сандомирскую наступательную операцию (июль-август 1944 г.) три танковые армии (1-я, 3-я, 4-я) начали, имея соответственно 419, 490 и 464 танка, т. е. примерно половину от штатной численности. В начале Ясско-Кишиневской операции (август 1944 г.) в 6-й танковой армии насчитывалось всего 560 танков. (38) Таких танковых армий (по фактическому числу танков, **вдвое уступающих мехкорпусу образца 1941 года**) в январе 1944 года во всей Красной Армии было шесть. **Не 30, как просили Жуков и Тимошенко в феврале 41-го года, а всего 6.**

К счастью для историков, один из главных героев этой истории оставил мемуары. И не просто «воспоминания», а

«Воспоминания и размышления». Открываем и читаем:

«...В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и механизированных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб (т. е. сам автор воспоминаний. – М.С.) разработал еще более широкий план создания бронетанковых соединений, чем это предусматривалось решениями правительства в 1940 году. Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии, мы с наркомом просили при формировании механизированных корпусов использовать существующие танковые бригады и даже кавалерийские соединения как наиболее близкие к танковым войскам по своему «маневренному духу». И.В. Сталин, видимо, в то время еще не имел определенного мнения по этому вопросу и колебался. Время шло, и только в марте 1941 года было принято решение о формировании просимых нами 20 механизированных корпусов. Однако мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности...»(15. стр. 215)

И это – все. Никакими другими размышлениями на тему о **причинах принятия решения** о развертывании тридцати мехкорпусов Г.К. Жуков с потомками не поделился. Понять смысл сказанного Великим Маршалом мне не удалось. «Учитывая количество бронетанковых войск в германской армии», надо было не увеличивать, а, возможно, даже подсократить количество мехкорпусов в Красной Армии, уделив первоочередное внимание оснащению и обучению личного состава уже имеющихся танковых соединений. Ни рассуждения об «объективных возможностях нашей промышленности», ни «дух кавалерийских соединений» не имеют никакого отношения к главному вопросу: «Зачем?» Примечательно, что в 1998 г. в «малиновке» был опубликован (со ссылкой на: РГВА. ф. 41107, оп. 1, д. 48. л. 1-58) фрагмент неких неопубликованных воспоминаний Г.К. Жукова. Из приведенного текста следует, что еще весной 41-го непомерные запросы военного руководства вызывали, мягко говоря, удивление не только у дилетантов:

«...Несмотря на неоднократные наши просьбы рассмотреть и утвердить разработанный Генштабом и в основном согласованный с наркоматами промышленности план промыш-

ленности страны на первый год войны, он так и не был утвержден правительством, в чем большая доля ответственности лежит на председателе Госплана НА. Вознесенском и председателе Комитета обороны при СНК СССР К. Е. Ворошилове. Они **ужасались и разводили руками** (подчеркнуто мной. – М.С.) от мобилизационных заявок Генштаба...» (6. стр. 508)

В каноническом тексте воспоминаний и размышлений Жукова читаем: «Вспоминая, как и что мы, военные, требовали от промышленности в самые последние мирные месяцы, вижу, что порой мы не учитывали до конца все реальные экономические возможности страны. Хотя со своей, так сказать, ведомственной точки зрения мы и были правы». (15, стр. 209) Не уверен, что современный читатель сможет хотя бы понять, что сказал товарищ Жуков. Слова «ведомственность», «ведомственный подход к делу» были известными эвфемизмами советского «новояза». Помню, как я долго не мог понять их смысл, точнее говоря – почему их принято произносить с осуждающей интонацией?

Что плохого в том, что сапожник считает свое ремесло самым главным на свете, а пирожник – свое? На самом же деле словосочетание «ведомственный подход» заменяло другое, гораздо менее благозвучное выражение: «прикрыть собственную задницу». Предъявляя непомерные, ничем не обоснованные и заведомо невыполнимые требования к военной промышленности, руководители военного «ведомства» заранее готовили себе оправдание на случай будущего провала: «Что же мы могли сделать при такой неготовности к войне?» И в этом «ведомственном смысле» они были совершенно правы.

Если же исходить из интересов дела, делать которое было поручено наркомату обороны, то задача становится совершенно другой и значительно более сложной. Исходя из наличных ресурсов сырья, квалифицированной рабочей силы и производственных мощностей, надо было определить тот перечень вооружений, военной техники, снаряжения и боеприпасов, производство которых обеспечивало максимально возможную боеспособность армии. Задача очень непростая. Особенно если принять во внимание уровень общего образования людей, которым эту задачу предстояло решать. Ворошилов начал учиться в 12 лет и окончил свое образование двумя классами сельской школы. На посту наркома обороны СССР его сменил выпускник церковно-приходской школы Тимошенко. Наркомом оборонной промышленности трудился М. Каганович (родной брат более живучего Л. Кагановича) с двумя классами низшей школы. Вдвое более образованным (четыре класса сельской школы) был заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления Г. Кулик. Тремя классами церковноприходской школы ограничилось общее образование начальника Генштаба Жукова. На таком фоне просто неприлично интеллигентно смотрится предшественник Жукова на посту начальника Генштаба – у К. Мерецкова в образовательном багаже было четыре класса сельской школы и вечерняя школа для взрослых в Москве. Поэтому не стоит удивляться тому, что, например, гигантское запланированное количество танков сочетается в МП-41 с отсутствием самоходных орудий, что 11 тысяч бронемашин соседствуют в плане с полным отсутствием бронетранспортеров для пехоты, что на создание танковой орды, в которой танкистов больше, чем конников у Чингисхана, ресурсы (хотя бы теоретически) нашлись, но при этом половина планового числа автомобилей находится в народном хозяйстве, и в армии они появятся (если все пойдет по плану) только после объявления открытой мобилизации... Решение задачи оптимального распределения сырьевых и производственных ресурсов требовало, конечно же, других интеллектуальных ресурсов на ближней и дальней даче Сталина. Но есть в плане МП-41 и такие пробелы, которые трудно объяснить даже двухклассным образованием разработчиков мобплана.

Военные практики (Тимошенко, Мерецков, Жуков) не могли не знать, что для ведения боевых действий нужны боеприпасы. В конечном итоге именно снаряд (мина, пуля) и является той «полезной нагрузкой», для доставки которой к цели работает весь огромный комплекс, состоящий из танков, бронемашин, пушек, тягачей, автомобилей... Что же было сказано по

поводу производства и накопления боеприпасов в мобилизационном плане? Поверить в это невозможно, но НИЧЕГО. Нет в мобилизационном плане МП-41 такого раздела, подраздела, нет хотя бы единой строки. Фляжки, портянки, шаровары ватные, кальсоны нательные, лопаты тракторные есть, количество отдельных выючно-ишачьих и выючно-верблюжьих рот указано. Упомянута «Центральная школа связи собаководства и голубеводства». Отмечено, что «при зачете на мобобеспечение 50 % вещевого имущества, обуви и белья, состоящего в повседневной носке на кадре, обеспеченность Красной Армии основными предметами вещевого и обозного снабжения по мобплану 1941 года будет составлять на 1.01.1942 года от 70 до 100 %». А вот про боеприпасы – ни слова.

Разумеется, не только производство кальсон нательных, но и производство боеприпасов в СССР планировалось. Иначе и быть не могло в стране, которая революционным путем покончила с «анархией капиталистического рынка».

Были планы производства боеприпасов, были постановления Политбюро, которыми эти планы утверждались и вводились в действие, был даже отдельный наркомат боеприпасов. То, что наличие запасов, плановый расход и производство боеприпасов не были включены в состав основополагающего документа, каковым для военного ведомства является мобилизационный план, можно в принципе назвать «канцелярской недоработкой». Однако изучение других документов вызывает еще большие вопросы.

14 февраля 1941 г., т. е. всего через несколько дней после подписания мобилизационного плана МП-41, было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 305145 «О плане военных заказов на 1941 г. по боеприпасам». (84)

Длинный-длинный перечень, и все в миллионах штук:

- 4 млн. осколочно-трассирующих выстрелов к 37-мм зенитной пушке;
- 10,47 млн. выстрелов к 45-мм пушке, **в том числе 2,3 млн. бронебойных** выстрелов;
- 4,2 млн. выстрелов к 76-мм (полковым, горным, дивизионным) пушкам;
- 2,5 млн. выстрелов к 76-мм зенитной пушке;
- 2,5 млн. выстрелов к 85-мм зенитной пушке;
- 2,6 млн. выстрелов к 122-мм гаубице образца 1938 г.;
- 1,0 млн. выстрелов к 122-мм гаубице образца 1910/ 1930 г...

В общем итоге **17,3 млн. артиллерийских выстрелов** среднего и крупного калибра (76-мм и более), а с учетом мин – 22,8 млн. выстрелов калибра 76 мм и более. Цифры астрономические. На первый взгляд. На второй взгляд – после сравнения с объемом производства прежних лет – они покажутся еще большими. Так, за четыре года (с 1936 по 1939-й) было выпущено «всего» 13,52 млн. артвыстрелов среднего и крупного калибра. (85. стр. 191). Впечатление космических масштабов исчезает, стоит лишь разделить астрономические цифры производства боеприпасов на ничуть не менее гигантские цифры наличного количества артсистем:

	Количество артсистем, шт	План производства 41 г. артвыстрелов, млн. шт	На одно орудие, шт	На одно орудие в месяц, шт.
50-мм минометы	36 324	16,0	440	37
82-мм минометы	14 524	4,0	275	23
120-мм минометы	3 872	0,915	236	20
76-мм полевые пушки	15 298	4,2	275	23
76-мм зенитные пушки	4 571	2,5	547	46
122-мм гаубицы	8 124	3,6	443	37
152-мм гаубицы	3 817	0,565	148	12

От 12 до 46 выстрелов на один ствол в месяц. Вот что стоит в реальности за многомиллионными цифрами плана производства боеприпасов на 1941 год. Какими бы шокирующими ни казались эти цифры, они не только точны, но и вполне логичны. Производство боеприпасов – самая (не «одна из самых», а просто и коротко – самая) ресурсоемкая составляющая подготовки к войне. По крайней мере, именно так обстояло дело в армиях первой половины XX века, когда низкая точность стрельбы имеющихся систем вооружения компенсировалась гигантским расходом боеприпасов (вспомните приведенные в предыдущей главе цифры: *«для подавления одного пулеметного гнезда в полевой обстановке требуется 120 снарядов калибра 76 мм»*). В целом за годы Великой Отечественной войны совокупный вес произведенных артиллерийских боеприпасов в 10 раз превысил совокупный вес всего выпуска артиллерийских орудий. При этом еще следует принять во внимание, что если тяжеленные станины и лафет орудия делаются из простой стали, то на производство артвыстрела расходуется дефицитнейшие латунь, медь, бронза и дорогостоящие пороха. Вот почему к большой войне готовятся заранее, отнюдь не надеясь покрыть боевой расход артвыстрелов текущим производством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.